

Доброключения и рассуждения Луция Катина

Автор:

[Борис Акунин](#)

Доброключения и рассуждения Луция Катина

Борис Акунин

История Российского государства в повестях и романах #6

Этот роман, написанный в духе авантюрно-философских романов XVIII столетия, описывает захватывающую эпоху, когда человечество училось обустраивать общество, мыслить и любить по-новому. Что-то получалось, что-то нет, но скучно не было!

Внутри спрятана еще одна книжка, дополнительная. Называется она «аристобук», то есть «улучшенная книга»: впервые в издательской практике она снабжена уникальным аудиовизуальным контентом, считываемым смартфоном или планшетом при помощи бесплатного приложения.

В формате PDF A4 сохранен издательский дизайн.

Борис Акунин

Доброключения и рассуждения Луция Катина

Серия «История Российского государства» издается с 2013 года

© В. Akunin, автор, 2019 © ООО «Издательство АСТ», 2019

КНИГА, КОТОРУЮ ВЫ ДЕРЖИТЕ В РУКАХ, НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНАЯ.

Внутри нее спрятана еще одна книжка, дополнительная. Называется она «аристобук», то есть «улучшенная книга» (от греческого слова «аристос» – «лучшее»).

В конце каждой главы стоит вот такой знак:

Он не декоративный – он рассказывает и показывает о том, что не попало в роман, а находится вокруг него.

Чтобы знак ожил, нужно сделать следующее:

Установите на ваш смартфон или планшет специальное приложение AristoBook.

Ссылку на приложение Вы можете найти на сайте www.aristobook.com.

- Если у вас iOS устройство, скачайте приложение «AristoBook» в Apple App Store.
- Если у вас Android устройство, скачайте приложение «AristoBook» в Google Play Store.

Если у вас нет смартфона или планшета, не расстраивайтесь. Весь «аристобучный» контент романа постепенно будет появляться на сайте www.aristobook.com.

Теперь, когда вы установили приложение, наведите видоискатель вашего мобильного устройства на текст рядом со знаком, прямо на этой самой странице.

Примерно вот так:

И удачных вам доброключений!

Борис Акунин и eBook Applications LLC

AristoBook для Android

AristoBook для iOS

Часть первая

Под знаком Венеры и Марса

Глава I

«Я появился на свет в июне, отчего ученый родитель думал наречь меня Юнием в воспоминание высоко естимованного им первого республиканца Луция Юния Брута, однако же приходской священник не сыскал в святцах такого мужеского прозвания и отказался крестить под ним младенца, вследствие чего отец удовлетворился менее звучным Луцием, и меня ввели в христианский мир под вовсе немудрящим именем Луки.

Рождение мое было омрачено прискорбным событием, смертью матушки, которая успела еще увидеть свое чадо и даже, говорят, поцеловать меня, а после сразу же испустила дух, измученная, но довольная.

Смерть ее не была обычною, какая часто постигает несчастливых рожениц, но следствием обдуманного решения. Моя родительница, о которой я слышал от отца много удивительного, по своему телосложению не питала надежд на материнство, имея чрезвычайно узкие, мальчишеские бедра. Все лекари предупреждали, что она навряд ли сможет разрешиться от бремени. Посему – как со своим всегдашним почтением к физиологии еще в детстве рассказывал мне отец – они с супругой, пылкие и молодые, позволяли себе тешиться страстью лишь в те дни месяца, когда жены не могут понести. Однако на тридцать пятом году жизни матушка заболела чахоткою и, зная, что скорая смерть все равно неминуема, запутала доверчивого мужа в женском календаре и обременилась. В последнюю пору своей жизни она говаривала, что чем долго и бесплодно умирать от кровохаркания, лучше уж смерть быстрая и к тому ж не напрасная, а производящая на свет новое существо. Подозреваю, впрочем, что занимало ее не столько новое существо, которого она знать не знала, сиречь моя скромная особа, а вдовство ее дорогого супруга. Должно быть, мать ласкалась надеждой, что, имея малютку сына, вдовец не позволит себе зачахнуть от горя. Это несомненно и случилось бы, так как сии супруги любили друг друга любовью, которой в мире почти что и не бывает.

Матушка была женщина умная, обстоятельная. Когда пришло время, в доме уже жил врач, умевший извлекать непроходного младенца через утробу посредством хирургической операции, которая спасает дитя, но обрекает роженицу на гибель вследствие истечения кровью.

Так и случилось, что я вышел на белый свет под ножом, из разверстого чрева, сопровождаемый стонами матери и рыданиями отца. Произошло сие важное для нашей семьи, но нисколько не значительное для истории событие 18 июня 1733 года, в правление царицы Анны.

По двадцати лет службы переводчиком в Иностранной коллегии отец достиг обер-секретарского чина, то есть сделался особой восьмого класса и потомственным дворянином. Когда нашу фамилию, причисленную в ряд благородных, записывали в родовую книгу, он, по чудаческим своим убеждениям никогда не бравший и не дававший взятку, отступил от сего неукоснительного правила и дал протоколисту Герольдмейстерской конторы некую мзду, дабы сделаться из просто «Иноземцева» – «Иноземцевым-Катиным», в память о незабываемой супруге Кате, и в дальнейшем, знакомясь с новыми лицами, представлялся им лишь второю частью фамилии, к чему с детства приучил и меня. Так вышло, что, явившись в мир Лукой Иноземцевым, ныне я зовусь Луцием Катиным, каковое имя, по видимости, и будет высечено на моей гробнице в предназначенное Судьбою время.

В день пятнадцатого моего рождения отец обратился ко мне с речью, которую я не позабуду до окончания своих дней.

«Сын мой, я ведаю, что много виноват пред тобою. Хоть я и заботился о твоём воспитании столь усердно, сколь мог, никогда я не мог любить тебя всем сердцем, ибо оно разбилось, когда ты стал безвинным поводом кончины твоей матери. Все последующие годы я не жил, но лишь исполнял обещание, данное на смертном ее одре, – не покидать тебя до зрелого твоего возраста. Ныне ты перешел из отроческого состояния в юношеское, и обет мой исполнен. Знай, что я не оставляю тебе никакого земного состояния. Я продал наш дом и все скромное наше имущество, дабы внести плату за твое обучение в гимназическом пансионе Академии-де-сиянс, где в течение трех лет ты будешь получать кров, стол и самое главное – знания. Это лучшее из всего, что я могу тебе предоставить для жизненного похождения. Будь храбр с людьми, а более всего с самим собою; не гнись перед сильными и не сгибай слабых; обзаведись убеждениями и не предавай их; когда же вблизи засияет счастье, а это непременно случится, умей его распознать и держись за него крепко. Меня же прости. Ныне отпущенный, желаю воссоединиться в космическом эфире с тою, которая давно меня ждет».

Выслушав сие напутствие, более уместное не для нашего практического столетия, а для древних стоических времен, я испугался. Разговоры о «космическом эфире», куда попадают души умерших, случилось мне слышивать и раньше. Знал я и что мой любомудрый pater слов на ветер не бросает. Всю ночь я провел под дверью его спальни, подглядывая через щелку, не намерен ли он испить яду по примеру любимого им Луция Сенеки, второго моего тезоименитца. Ничего подобного не последовало. Легши и загасив свечу, отец крепко заснул и более ни разу не пошевелился. Но когда на рассвете, наконец обеспокоенный этой недвижимостью, я осторожно приблизился к постели, то нашел его бездыханным, с застывшею полуулыбкой на холодных устах. Яков Иноземцев-Катин переместился в иное, непостижимое земному разуму пространство, которое для смертных суть лабиринт и загадка. Тленная, малозначительная часть счастливого покойника нашла мир в могиле, где обретались останки той, по ком он столь неутешаемо тосковал. Вот каков был мой производитель на свет, нимало не схожий с другими отцами.

Ныне оба мои родителя парят в космическом эфире, я же пока обитаю на низменной земле, где меня манят, всяк в свою сторону, два здешние эфира, противоборствующие и несовместные. Один – Флогистон, жаркая и летучая субстанция сердечной чувствительности; другой – Рационий, холодный и беспощадный флюид умопоклонства. Чей зов окажется сильнее, ведает один Зиждитель, то есть никто не ведает, ибо современною наукой установлено, что никакого Бога нет, а есть лишь Природа и слепой Фатум».

Дописав эту фразу, чрезвычайно ему понравившуюся умудренностью, Луций перечел зачин своего жизнеописания, присыпал страницу сеяным песком и сдул. Идея регистрировать события, впечатления и размышления пришла ему в голову не далее как нынче утром, и молодой человек, в котором склонность к неспешному умствованию соседствовала с быстротой поступков, сразу же взялся за дело. Пока писал, успел и поднять глаза в потолок, и повздыхать, и даже смахнуть не единственную слезу, но закончил с улыбкой. Он еще присовокупил на титульной странице превосходное название: «Приключения и рассуждения Луция Катина под знаком Венеры и иных божеств в различных землях, водах и эфирах», хоть пока никуда еще не странствовал и никаких вод, кроме невских, не видывал.

Размяв затекшие от сидения члены сладостным потягиванием, молодой человек подошел к окну и распахнул раму, впуская холодный воздух. Куцый ноябрьский день уже клонился к исходу.

Подошло время предвечернего туалета, который у Луция был по-спартански прост. Снаружи на подоконнике ждал кувшин с водой, подернувшейся тонкой ледяной коркой и поблескивавшей снежинками – в городе уже установилась зима. Нисколько тем не смутившись, юноша скинул жилет и рубаху, разбил лед и, окуная мочалку, стал с наслаждением обтираться, еще и побрякивал. Сызмальства приученный к телесной стойкости, он никогда не мерз, даже в мороз ходил без шубы и в самой легкой шапке.

Предаваясь гигиенической процедуре, Луций смотрел не вниз, во двор, представлявший собой зрелище прозаическое (конюшня, хлев, запятнанный навозом снег), а вверх, в петербургское небо прекрасного серого оттенка. Жительство в чердаке, определенное скромной позицией домашнего учителя, нашего героя не печалило, а радовало: выше были только светила да надкрышные трубы.

Одна из сих труб, возвышавшаяся на кровле противоположного флигеля, вдруг привлекла внимание Луция неким шевелением. Удивленный, он опустил взор от облаков чуть ниже и увидел, что из-за кирпичной грани высовывается краешек белого кружевного чепца. Такой носила только одна из обитавших в усадьбе особ, а именно Луциева ученица Ульрика Карловна, по-домашнему Ульхен.

Катин и раньше, случалось, ловил на себе ее особенный, украдочный взгляд, но чтобы вылезти на крышу и подглядывать за умыванием учителя – такого еще не бывало. Иль, может быть, он просто не замечал?

Луций поскорее прикрыл окно, задвинул занавеску, вздохнул. Девица трудного пятнадцатилетнего возраста, отец ее груб и бесчувственен, у мачехи ветер в голове. Полусирота заслуживает компасии, однако ж вояжам на крыше следует положить предел. Не дай бог поскользнется на обледеневшей жести...

Педагогическая наука не давала инструкций, как вести себя в подобной оказии. Надо будет найти у Руссо то место про одоление низменных инстинктов и прочесть Ульрике Карловне на уроке французского, но с самым невинным видом, поделикатнее, дабы не ранить юную душу. Удовлетворенный этим решением, Луций оделся и вышел на узкую лестницу. Было время ужина, о чем требовательно напоминал здоровый молодой стомах.

В доме Буркхардтов с учителем не церемонились, обычно он столовался на кухне, со старшей прислугой, чем нимало не печалился, ибо общество хозяина не доставляло юноше никакого удовольствия, а близость хозяйки порождала неловкость. С дворецким Францем Гиацинтовичем и старшей горничной Федотьей Ивановной кушалось проще и спокойней, пища была здоровей, да и беседа оживленней, но сегодня учитель не обрел этих простых радостей. На ступеньках его остановил комнатный лакей и передал распоряжение господина полковника: одеться в праздничное, зайти за барышней и вместе с нею тотчас же быть к ужину.

Луций догадался, в чем причина. Давеча во двор въехала нарядная карета четверкой. Стало быть, пожаловал какой-то важный гость и полковник желает распустить перед ним хвост: показать, что держит в услужении человека, знающего языки и науки. Учителя звали к господскому столу только в таких случаях.

Делать нечего. Луций вернулся в комнату, надел свой голубой, совсем немного истрепавшийся на обшлагах камзол, повязал галстух, переобулся в башмаки с посеребренными пряжками, расчесал волосы и перевязал их сзади лентой. Парика он не носил, однако длинные, самую природой завитые золотистые локоны, слегка подкрученные на висках, отлично сходили за букли. Глаза у молодого человека были синие и ясные, только очень уж большие и далековато расставленные, а из-за широких скул вовсе казавшиеся в пол-лица. Это, пожалуй, придавало Луцию некоторое сходство с котом.

Юноша провел перед зеркалом изрядное количество времени, так как считал уход за внешностью долгом всякого цивилизованного человека, и когда наконец спустился в бельэтаж за ученицей, та уже ждала его в дверях светлицы с нахмуренными бровями. Выходить к гостям без сопровождения юной барышне было бы неприлично, и Луций подумал, что Ульхен сердита от нетерпения, но ошибся.

– Я знаю! – воскликнула медхен, блестя глазами. Она быстро обучилась чисто говорить по-русски, не то что ее солдафон родитель. – Вы сейчас будете стыдить меня! Вы видели меня на крыше!

Смущенной она не выглядела. Смутился Луций.

– За что же вас стыдить? – пролепетал он. – Вы, верно, желали полюбоваться небом...

Но девица была с характером. Предложенной уловкой она не воспользовалась.

– Ничего подобного! Я даже рада, что всё раскрылось!

– Что «всё»? – удивился Катин.

– Что я подглядываю за вами! Каждый день! И утром, когда вы делаете гимнастические экзерциции в одних подштанниках! Желаете знать почему?

– Нет! – малодушно воскликнул он, но решительную барышню это не остановило.

– Потому что я безумно обожаю вас! Меня кидает в дрожь, едва я вас увижу! Вы – единственный резон моей злосчастной жизни! – На глазах у Ульрики Карловны выступили прекрупные слезы. – А ежели я для вас только девчонка, то так и знайте – я жить не стану! Пусть лучше Всевышний призовет меня в свои недра! Я не нахожу более ничего, что меня прельщало бы на сем свете!

– Погодите, – попробовал остановить ее изливания Луций. – Это же строки из «Клариссы», которую мы с вами давеча читали в российском переводе. Право, я более не стану знакомить вас с современными романами. Под их воздействием вы выдумываете себе чувства, каковых по вашему детскому возрасту испытывать еще не можете. Точно так же я в четырнадцать лет вообразил, что влюблен в соседскую булочницу-чухонку.

Но барышню было не сбить.

– Да! Я говорю словами из романа! – в запальчивости вскричала она, блестя мокрыми глазами. – Однако если я не могу сыскать подлинных слов, это не означает, что у меня нет подлинных чувств!

Невзирая на щекотливость ситуации, педагог в Катине не мог не отметить, что это недурно сказано, и мысленно поставил ученице «весьма похвально».

– ...Вы молчите... – всхлипнула Ульрика Карловна. – Ах, я знаю, в чем дело! Во всем виновны эти проклятые прыщи! – Она раз и другой сильно шлепнула себя по щекам, в самом деле украшенным обычной подростковой сыпью. – Я погибла, коль вы не ответите мне взаимностью...

И тут же, безо всякого перехода, обратилась от девичьей меланхолии к холерическому припадку:

– Нет, я догадалась! Причина вашей холодности – моя мачеха! Эта мерзкая сарделька завладела вашим сердцем! Я убью ее и себя!

Здесь Луций пришел в еще большее смятение, ибо догадка буйного ребенка была не столь далека от истины. Госпожа Буркхардт, немного напоминавшая упомянутое колбасное изделие розовостью пухлого лица и приятной округлостью форм, действительно имела некоторую власть – пускай не над сердцем, но над физической оболочкой нашего героя.

Потому, не желая оборота жаркой беседы в опасном направлении, он поспешно сказал:

– Помилуйте, Ульхен, я сердечно вас люблю...

Девушка вновь обнаружила способность к радикальной смене эмоций. Просияв, она схватила учителя за руки и возопила:

– Коли так, обними же меня, сердешный друг! Знай, я уж всё продумала. Ночью мы бежим в Гатчину, а домашним оставим записку, что утопились в Неве от невозможности сочтаться узами. Сами же снимем хижину и будем жить в лесу, как Дафнис и Хлоя! Я натаскала у папеньки денег, целых тридцать рублей!

Бедный Луций не знал, как на это отвечать, и лишь тщетно пытался высвободить стиснутые пальцы. Спас его все тот же лакей, присланный хозяином поторопить дочь.

– Сударь, стол уж накрыт. Барин гневается.

И Ульрика Карловна сразу обратилась в благовоспитанную немецкую барышню. Пошла вперед чинными шажками, потупив взор и сложив руки поверх батистового передничка, обязательного для добропорядочных девушек. Однако губки Ульхен были плотно стиснуты, а щечки ярко-розовы, и Катин знал, что опасный разговор будет иметь продолжение. В Гатчину, положим, с этой взбалмошной фрейляйн он не побежит, но как прикажете после случившегося учить ее латинской грамматике, русскому письму и французскому разговору?

* * *

Важным гостем оказался бывший сослуживец хозяина по прусской армии, адъютант короля Фридриха господин фон Кауниц. Он прибыл в российскую столицу с миролюбивым письмом от своего монарха. Два месяца назад Россия объявила войну Пруссии, которая напала на союзную нашей державе Австрию, но пока что сражались между собой только немцы, а государыня собираться с походом не торопилась, и у короля оставалась надежда на примирение.

Именно это объяснял хозяину герр фон Кауниц, когда Луций и его воспитанница вошли в столовую. Остановившись на пороге, они стали ждать, чтобы полковник удостоил их внимания. Порядки в семье Буркхардтов были военные.

Еще двое присутствующих, супруга полковника и его ординарец поручик Бозе, участия в беседе не принимали: Анна Леокадьевна по плохому знанию немецкого, а поручик по неразвитости ума. С этим клеветом полковник почти никогда не расставался: на службе – потому что за три года Буркхардт не выучил и двадцати русских слов и Бозе, родом лифляндец, состоял при нем переводчиком; дома же сии неразлучные аяксы вместе пили пиво, курили длинные трубки и азартно играли на биллиарде. За выигрыш поручик получал полтину, за проигрыш – пинок под зад, после чего оба залиvisto хохотали. Такое времяпрепровождение бравым кавалеристам никогда не надоедало.

Наконец Буркхардт молвил:

– А вот и моя Ульхен со своим персональным ментором, герром Катин. Он академический профессор и дворянин.

Ульрика, настоящая паинька, сделала церемонный книксен. Произведенный в профессоры «герр Катин» (в обычное время хозяин дома именовал его попросту «hey, Sie!» – «эй, вы!») почтительно поклонился, вслед за чем на него перестали расходовать внимание. Теперь следовало дожидаться момента, когда полковник обратится к «ментору» по-французски (всегда с одной и той же фразой) и ответить что-нибудь, непременно на латыни. Потом можно рассеяться и остаток трапезы думать о своем – более никто не беспокоит.

Миссия поручика Бозе состояла в том, чтобы энергично кивать на всё сказанное начальством да тихо приговаривать: «O ja, ja!» С более трудной задачей ординарец, пожалуй, и не справился бы. От русской супруги ожидалось лишь руководство подачей блюд. Дочке надлежало смотреть в скатерть и не стучать ложкой. Таким образом в беседе участвовали только хозяин и гость.

Тема, впрочем, была любопытной – о привычках и причудах прославленного прусского государя, и Луций слушал с интересом.

Его величество, говорил фон Кауниц, всегда поднимается затемно, в четыре часа утра, и начинает день с игры на флейте, дабы настроить ум и чувства на гениальный лад. В это время, под звуки Гайдна или Баха, он вырабатывает свои великие, парадоксальные планы, заставляющие восхититься одну половину Европы и ужаснуться другую. С восьми до десяти король пишет. Затем лично руководит разводом и маршировкой гвардии, а после простого, солдатского обеда – стрельбами и штыковым обучением. Одет титан в потертый, заплатанный мундир, сапоги его стоптаны, треуголка выцвела. Вся Пруссия чтит Фридриха за бережливость, и никто не ропщет на подати, зная, что монарх во всем себе отказывает. Недавно, с умилением рассказывал гость, произошла история, заставившая многих прослезиться. Вдова некоего офицера подала королю в руки прошение о пенсии, которую покойный не успел себе выслужить и потому оставил семью без средств к существованию. «Я не могу удовлетворить вашего ходатайства за казенный счет, ибо закон есть закон, – отвечивал Фридрих, – отказать же вам не дозволяет милосердие. Мы сделаем вот как. Я откажусь от послеобеденного шоколада, который обходится в один талер, и велю, чтобы сэкономленные деньги выплачивались вам в виде пенсии».

– Изрядно, – сказал на это полковник Буркхардт. – И умно, раз все услышали и разнесли.

– О ја, – поддакнул поручик Бозе, после чего рассказ о великом Фридрихе полился дальше.

Внимательно слушая, Луций не забывал лакомиться блюдами, которых в кухне для слуг не подавали: трюфельным супом, паштетом, французскими сырами. Стол был обильный, в расчете на высокого гостя, и свечей горело не шесть, как в обычные времена, а двадцать четыре. Хозяин и королевский адъютант сидели на почетных торцевых местах, супруга и поручик – по одну широкую сторону стола, учитель с ученицей по другую, причем Луций оказался прямо напротив Анны Леокадьевны, которая, томясь скукой, то и дело бросала на молодого человека быстрый взгляд из-под ресниц.

Он же нимало не скучал. Разговор повернул на большую политику и был, пожалуй, поразителен по своей откровенности.

Формально собеседники состояли на службе в двух враждующих армиях, но герр фон Кауниц обращался к герру Буркхардту, словно к доверенному другу.

– Глядите, как поворачивается война, – говорил он. – Наши союзники британцы бьют французов в американских колониях и на море. Тем временем мы разгромили саксонцев и управимся с австрийцами, прежде чем Россия подготовится к дальнему походу. Поскольку делить с вашей государыней нам нечего, мы благополучно замиримся, после чего спокойно займемся Францией.

Полковник супил бычий лоб, он так быстро соображать не умел.

– К чему вы ведете, дружище?

– К тому, чтобы вам взять у русских отставку и вернуться к нам. Хорошие полковые командиры нынче в цене. Жалованье у нас выше, а шансы на выслугу из-за потерь превосходные. Не успеете оглянуться – вы уже генерал. Право, обидно в такое золотое время прозябать в русском болоте.

Не обидевшись на эти слова, пожалуй, зазорные для его мундира, Буркхардт раздумчиво молвил:

– Жалованье у русских, конечно, всего 600 рублей в год, но на него никто из командиров и не живет. Зато я распоряжаюсь всей полковой кассой, всеми закупками и подрядами, так что имею больше, чем ваш командир дивизии. Глупо от такого отказываться.

Тогда гость поменял тактику:

– Разве в одних деньгах дело? А удовольствие состоять в первой армии мира, где всё работает как часы? Какие у нас офицеры, какие унтер-офицеры! Какая честь повиноваться величайшему полководцу! Ей-богу, подавайте абшид начальству и едемте со мной! Я уже уговорил здесь нескольких природных немцев. Не позволяйте им получить перед вами первенство.

Нет ли тут побуждения к измене долгу и присяге, подумалось Луцию, но более в отвлеченном смысле. Как человек просвещенный и вольномыслящий, он, конечно, не придавал важности подобным замшелостям.

Полковник посмотрел на учителя и произнес ту самую единственную фразу, которую знал из французского:

– *Qu'en pensez vous, monsieur professor?*[1 - Что вы о сем думаете, г-н профессор? (фр.)]

Наступила минута секундировать хозяину.

– *Le roi de Prussie s'engage dans une voie dangereuse*[2 - Король прусский ступил на опасный путь (фр.)], – отвечив на том же языке, а затем, как требовалось, вставил латинское: – *Bellum contra omnes?*[3 - Война против всех? (лат.)] – Пожал плечами, перешел на немецкий. – Вам ли с вашим умом, достопочтенный господин полковник, не понимать, чем оканчиваются подобные затеи?

Буркхардт ничего не понял, но глубокомысленно кивнул. На сем миссию можно было считать исполненной, но когда гость спросил «герра профессора», чем же так опасен избранный королем путь, Луций не удержался от искушения блеснуть.

– Сколько жителей в Прусском королевстве?

– Около шести миллионов человек, я полагаю.

– А в землях противников вашего отечества, Франции, Австрии и России, проживает не менее пятидесяти миллионов. К тому ж воевать вам придется на трех фронтах – южном, восточном и западном. Пруссия будет подобна жонглеру, который подбрасывает слишком много яблок. Которое-нибудь обязательно упадет.

Совсем немного рисуясь, Луций взял из вазы три румяных яблока и ловко стал их подкидывать – искусство, которым он в свое время стяжал себе славу среди академических пансионеров.

– У вас однако ж ни одно яблоко не падает, – остроумно возразил гость. – А мой король ловчей всякого циркача.

– Пока на него не напал чих иль не зачесалось ухо, сиречь не приключилось некое затруднительное и непредвиденное обстоятельство.

Луций почесал себе ухо, и яблоки одно за другим покатались на пол.

Карой за импровизированное представление был грозный взгляд хозяина, недовольного тем, что ничтожный учитель так надолго завладел всеобщим вниманием; наградой – признательная улыбка хозяйки, которая не поняла ни слова, но обрадовалась развлечению. С восхищением глядела на жонглера и юная Ульрика Карловна.

Но последствия маленького триумфа были таковы, что Луций скоро потерял нить политического разговора. Он подвергся двойному нападению.

Сначала Ульхен тайком, под скатертью, взяла его за руку и стала нежно гладить пальчиком ладонь. Вызволить плененную часть тела было невозможно. Еще хуже повела себя Анна Леокадьевна. Немного приспустившись на стуле, она достала разутой ножкой до колена молодого человека, да в такой позиции и осталась, при этом обратив невинный взор на своего супруга.

Надо приискать другую службу, предавался унылым мыслям плененный с двух сторон герой. Этот дом чересчур наполнен чувственным эфиром Флогистоном.

Природная справедливость требовала признать, что отчасти он сам в том виноват. Неразумно и безнравственно было уступать домогательствам госпожи полковницы. Обвинение в безнравственности Луций, впрочем, сразу же отвел как неискреннее. Угрызений совести он не испытывал. Во-первых, хозяйка сама однажды ночью явилась к нему на чердак и глупо было изображать Иосифа Прекрасного. А во-вторых, её Потифар, дубина и грубиян, вполне заслужил головной убор рогоносца. Но флюиды страстолюбия, которыми наполнился дом, неким мистическим манером затронули незрелую душу Ульрики Карловны, и положение, в котором теперь оказывался Луций, становилось несносным.

Девичий пальчик щекотал ему запястье, а нога мачехи, продвинувшись еще дальше, начала вытворять штуки вовсе скандальные, и Катин торжественно дал себе зарок отныне и всегда относиться к женскому полу как к сестрам и не иначе. Новую службу он найдет в доме, где ученик будет отроком, а хозяйка – пожилой добродетельной дамой, привлекательной исключительно душевными свойствами.

– Вы устали сидеть за столом? – галантно обратился гость к госпоже Буркхардт, совсем утонувшей на своем стуле. – Не перейти ли нам в курительную комнату после столь превосходной трапезы?

Поручик перевел сказанное, и Анна Леокадьевна, шаркнув под столом туфелькой, распрямилась.

– Ступайте, господа. Я принесу вам своей особенной настойки.

Все поднялись, а полковница, кинув на учителя косой, многозначительный взгляд, сказала:

– Луций Яковлевич, вы ведь табаку не курите? Помогите мне, сделайте милость. Я возьму графин, а вы рюмки.

Отлично зная, что последует дальше, Луций все же смиренно поплелся за Цирцеей, ибо растревоженный ножкой Флогистон совершенно изгнал из его головы благоразумный Рационий.

За первым же поворотом коридора Анна Леокадьева втолкнула молодого человека в кладовку, прикрыла дверь и, тяжело дыша, принялась срывать с него одежду. «Быстрее, быстрее, – шептала она. И еще почему-то: – Несносный, несносный...»

Ее руки крутили его, как куклу, и через несколько мгновений обезволивший Луций остался в одних чулках до колен.

– Сейчас умру, – предупредила Анна Леокадьева, привалилась спиной к полкам, на которых тесно стояли бутылки с наливками и банки варенья, рывком подняла юбку и притянула к себе Луция, который, окончательно покинутый Рационом, уже ни о чем больше не думал.

Вдруг нагую спину обдало сквозняком. Обернувшись, Катин увидел в дверях Ульрику Карловну. Ее прыщавое личико по-волчьему щерилось.

– Я знала, – прошипела девица. – Знала...

И во всю глотку завопила:

– Vati! Vati! Herbei!!![4 - Папенька, папенька, сюда! (нем.)]

Крик был столь отчаянным, что уже через мгновение в коридоре грохотали сапоги. Луций обернулся на окоченевшую соучастницу, наклонился к разбросанной одежде, понял, что надо либо одеваться, либо бежать как есть, но промешкал, не сделав ни того, ни другого. Время было упущено. На пороге возникли полковник с ординарцем. Первый вылупил глаза, второй разинул рот. Сзади появился еще и пруссак, сразу уяснивший значение сей живой картины и заухмылявшийся.

Пойманные любовники повели себя разно. Верней сказать, Луций вовсе никак себя не повел, а лишь смежил веки, понадеявшись, что всё это дурной сон и сейчас наступит облегчительное пробуждение. Хозяйка же проявила отменную находчивость. Она окарябала острыми ногтями Луциеву щеку и присоединила к воплям падчерицы истошный визг.

– Спасите меня! Этот зверь затащил меня сюда, оскорбил мое целомудрие видом своей наготы и попытался овладеть мною!

– Она врет! Она сама! – заверещала Ульхен.

Гибну, понял наш герой. И поступил единственно возможным образом.

– Госпожа полковница говорит правду. Я накинулся на нее в помрачении рассудка. Позвольте мне покинуть сей дом.

– Ну и профессора у вас в России, – успел заметить герр фон Кауниц, прежде чем началось землетрясение.

Предложение учителя осталось неслышанным. Полковник обозвал оскорбителя срамным словом Dreckskerl, пообещал умертвить собственными руками, после чего немедленно приступил к исполнению кровожадного намерения.

Однако умертвить Луция было не так просто. Покойный родитель еще в мальчишестве обучил его искусству азиатского рукопашного и ногопашного боя, называя эту суровую науку прискорбной, но необходимой спутницей всякого самоуважительного мужа. В свое время это знание очень пригодилось сироте в пансионе для защиты своего достоинства от старших воспитанников. Не раз надобилось оно и в дальнейшем, ибо жизнь груба, а многие люди невнятны к разумному слову.

Кулаки Буркхардта попусту рассекали воздух, не могучи поразить ловко уклоняющегося противника. Не поспособствовал делу и поручик Бозе, растопыривший свои ручищи. Нырнув под локоть полковника и сшибив пинком на пол ординарца, Луций прорвался из кладовки на относительный простор коридора, где улыбающийся фон Кауниц посторонился, не желая препятствовать ретираде «герра профессора».

Но полковник заорал на весь дом, созывая прислугу:

– Эй! Сюда! Держи его! Шпагу мне! Я убью эту свинью!

Легкий, почти невесомый в своем первозданном наряде, Луций кинулся было вверх по лестнице, чтобы достичь своего обиталища и чем-нибудь прикрыть наготу, но весь дом наполнился криком и топотом. Чердак обратился бы ловушкой.

Молодой человек опять бросился вниз – и наткнулся на своих гонителей, только теперь у полковника и поручика в руках блистала сталь, а сзади размахивал саблей еще и хозяйский денщик. На стене обширной комнаты, где Луций столкнулся с враждебной ратью, было развешано много всякого оружия – помещение именовалось Рыцарской Залой. Но Катин-старший был противником душегубства, свято чтит право всяческого существа на неприкосновенность жизни и привил эту веру своему сыну. Фехтовать и рубить Луций не умел, да и не стал бы, даже ради спасения жизни.

Путь был только один – бегство.

Преследуемый звериным рыком и булатным лязгом, молодой человек вихрем пронесся через анфиладу комнат в заднюю часть дома, вылетел в белый, заснеженный сад и, хоть был в одних чулках, не ощутил холода. Сзади нагоняла смерть.

– Хватай его! Бей! – кричала она.

А Луций в сей момент страшился не смерти, но постыдности. Позорно и нелепо сгинуть голозадым Петрушкой в сем низменном балаганном действе. Как мог он, почитатель философии, угодить в столь дурновкусное злоключение!

Натура нашего героя была такова, что и в самом отчаянном положении он не утрачивал способности к рассуждению, иной раз сам на себя удивляясь.

Вот и сейчас, проворно несясь через темный сад, он вспомнил поучения отца. Тот говорил, что злоключения бывают только с людьми злыми, а всякому доброму человеку любое приключение, пусть даже жестокое, должно представлять доброклучением, ибо оно чему-то поучает и укрепляет душу. Ежели

когда-нибудь доведется продолжить свое жизнеописание, надо будет переменить заголовок, подумал Луций.

А еще ему пришло в голову: вот он бежит среди ветвистых деревьев, гол и бесприютен, но не в том ли заключается естественное человеческое состояние, вернуться к которому призывает великий Жан-Жак?

Впереди показался забор, огораживавший усадьбу. Луций с разлету вскарабкался на это препятствие, прыгнул вниз и в растерянности огляделся. В саду еще можно было воображать себя среди природы, но здесь, на улице, меж каменных домов и тротуарных тумб, нагой беглец понял, что пропал. За изгородью, совсем близко, уже шумели преследователи. Куда денешься от них в городе? Что тебя спасет?

Разве чудо...

Глава II

Стоило Луцию помыслить о чуде, и оно немедля явилось в самом наглядном образе.

Из-за поворота улицы выкатилась волшебная карета. Она вся была словно озарена сияющим нимбом: покачивающиеся фонари рассыпали блики по золоченым стенкам и широким сверкающим стеклам; шестерка превосходных белых лошадей ладно и звонко цокала копытами по прихваченной ледком мостовой, сбруя и плюмажи переливались разноцветными искрами.

Адепт материалистических учений не усмотрел в появлении великолепной колесницы ничего чудесного, но лишь кстати явившуюся возможность спасения. Поражаться времени и не было – над забором уже возникла свирепая физиономия поручика Бозе.

Луций побежал, готовясь запрыгнуть на запятки, и, когда карета поравнялась с ним, ловко осуществил этот непростой маневр – подскочил, ухватился за поручень и оказался на задней скамеечке, где в теплое время года, верно, восседали запятные лакеи.

Лифляндец с денщиком спустились с забора и потрясали орудиями убийства, но за двадцатью четырьмя лошадиными копытами сим двуногим было не угнаться. Катин расхохотался и показал своим незадачливым гонителям нос: нате, выкусите.

Что будет дальше, молодой человек пока не задумывался. Черной неблагодарностью было бы вопрошать об этом Фортуну, которая только что спасла тебя от гибели.

Разгоряченный бегом Луций еще не чувствовал холодного ветра, а задняя стенка экипажа, к которой он прижимался грудью, оказалась теплой – внутри, должно быть, горела печка.

Задаться вопросом о дальнейших своих акциях Катин так и не успел. События неслись сами собой и престремительно, даже опережая быстрый ход его летучего ума.

Створки на заднем окне раздвинулись, меж ними явилось дамское лицо – немолодое и нестарое, а того интересного возраста, когда по женщине еще можно увидеть, какую она была девочкой, и уже можно угадать грядущую старушку. Незнакомка испуганно воззрилась на атланта, вцепившегося руками в края кареты, и произнесла некое беззвучное слово. Луций растерянно поклонился, причем стукнулся лбом о стекло.

Тогда дама перестала его бояться, подняла раму и высунулась высокой напудренной прической вперед.

– Да он совсем голый, – молвила она. – Ах, сущий Антиной!

Прикрывшись рукой, Луций присел, вконец сконфуженный.

Пассажирка сказала:

– Ты этак всё себе отстудишь, дурашка. Вот ведь комиссия!

Потом чем-то стукнула в потолок и прокричала:

– Эй, Семен, стой! Стой!

Карета замедлила ход.

Луций был ни жив, ни мертв, не зная, оставаться ему или бежать. Дама угадала его сомнение.

– Не бойся, садись в карету.

Он спрыгнул с запяток и поскорее прошмыгнул внутрь. Там в самом деле потрескивала чугунная печка, наверху светилась стеклянная лампа.

– Сядь напротив. Да не сжимайся, я уж всё видела, – засмеялась хозяйка экипажа. – Не думаю, чтоб ты всегда был столь застенчив. На-ко вот.

Она перекинула ему легкую соболью шубку, и Луций наконец вышел из естественного руссоистского состояния, отчасти вернувшись в лоно цивилизации, где, по правде сказать, почувствовал себя много лучше.

Дама с любопытством его рассматривала.

– Кто таков? Не обижайся, сударь, что я адресуюсь на «ты». Странно было бы «выкать» голому, хоть сразу видно человека из общества: золотистый парик по парижской моде, мушка на лбу.

У Луция посередине чела от рождения было маленькое коричневое пятнышко. Такое же, говорил отец, имелось у покойной матушки. Многие принимали родинку за наклеенную мушку, Катин к этому привык.

– Что за авантюра с тобой приключилась? Или ты всегда разгуливаешь по ночному Петербургу в одних чулках?

Луций открыл рот, но тут же закрыл обратно, не зная, что отвечать. Снова раздался смех.

– Незадачно окончившееся амурное происшествие, – безошибочно определила веселая дама. – Кровоточащие раны на ланите... – Надушенным платочком она осторожно провела по расцарапанной щеке Катина. – ...Нанесены женскими ногтями. Неужто какая-то дура противилась апрошам такого красавчика? Рассказывай скорей, с кем амурничал и что стряслось, не то высажу на мороз! Я сгораю от любопытства!

Менее всего Луцию хотелось рассердить свою спасительницу и вновь вернуться в природное положение, в холодную тьму, но против чести поступить он не мог.

– Прошу извинить мою неучтивость, вдвойне непростительную после услуги, которую вы мне оказали, и не стану оспаривать вашей проницательности – ваша догадка верна. Но я предпочту замерзнуть под забором, нежели предать оглашению имя той, кто счел меня достойным своей благосклонности.

– Обрел глас. И сколь складно излагает! – Дама глядела на молодого человека с живейшей симпатией. – Не хочешь говорить про свою метрессу – не надо. Ты сам-то кто? Из каких?

– Академический лицензиат Луций Катин.

Эта презентация повергла допросительницу в неудержимый хохот.

– Лицензиат... академический! – насилу выговорила она. – Ах, будет что матушке рассказать!

Эти слова Луция удивили. В почтенном возрасте, к какому принадлежала незнакомка, мало кто сохраняет доверенные отношения с матерью. Сколь похвально дочернее постоянство в немолодые годы!

– А, приехали, – сказала примерная дочь, глянув в окно.

Карета въезжала в ограду некоего дворца, наполовину покрытого строительными лесами. Подступы к стенам были освещены огнями, пылавшими в смоляных бочках. Это же новый палац государыни императрицы, называемый «зимним», понял Катин, взглядевшись.

– Чья карета? – крикнул зычный голос.

– Ослеп? – ответил с облучка кучер.

Скрипнул шлагбаум. Карета покатила дальше.

– Куда вы меня привезли? – в беспокойстве вскричал молодой человек. – Ведь это резиденция ее величества!

– Я и говорю: будет чем повеселить матушку-государыню. Ты, дружок, покамест тут посиди. За тобою пришлют, коли Лизавета Петровна захочет на тебя полюбоваться.

– Как можно! Я не одет!

Смешливая дама снова фыркнула.

– Одетых кавалеров она во дворце видит много...

Распахнули дверь, спустили лесенку.

Перед тем как выйти, коварная спасительница приказала кому-то:

– Этого запереть. Смотрите, чтоб не сбежал.

Через открытую дверь послышалась разухабистая музыка. Во дворце заливались гудошники, стучали ложечники, звенели бубны.

Охваченный паникой лицензиат попытался придать себе сколь можно пристойный вид, но не слишком в том преуспел. Из невеликой шубы соорудил подобие юбки, связав рукава на чреслах. На плечи накинул поднятый с пола

коврик. Я похож на лапландского самоеда, уныло сказал себе Луций. И поделом мне. Предстать пред очами всероссийской самодержицы в сем шутовском наряде – справедливая кара за флогистонову распущенность. И вновь, теперь уже твердо, с призыванием в свидетели Фатума, дал зарок никогда более не смотреть на женский пол иначе как глазами брата.

Еще некоторое время Катин терзался предстоящим срамом, но никто из дворца за ним не приходил, в печке уютно потрескивал уголь, за окошками густо синела ночь, и на смену тревоге явилось философическое спокойствие. Что будет, то и будет, а трепетать по поводу неотвратимого – глупость, сказал себе наш герой. Потом устроился на сиденье с ногами, немного поворочался и скоро уснул.

* * *

Пробудило его щекотание на кончике носа. Открыв глаза, Луций увидел сначала край страусового веера, затем полную руку, державшую веер, а еще выше белело улыбающееся лицо хозяйки экипажа.

– Ныне матушке недомогается, не до тебя ей. Но много смеялась моему приключению, отчего отошли vapёры и поднялся гумор. Полегчало сердешной. Велела завтра тебя непременно доставить, но перед тем испытать, какой ты лицензиат.

Луций почувствовал несказанное облегчение. Завтра он явится во дворец не самоедом, а в приличном виде. А что до испытаний, то их академический выпускник не страшился.

– В каких науках вам будет угодно меня экзаменовать – античных иль современных, земных иль небесных?

Для своих лет дама была все же чересчур легкомысленной – на простой и естественный вопрос опять сложила пополам, замахала на Катина рукой и ничего не ответила. А что, спрашивается, смешного?

Поехали от Зимнего прочь – по набережной, вдоль черной Невы, не сказать чтоб далеко, до Партикулярной верфи. Там тоже была ограда из копий, ажурные ворота, а за ними дворец – поменьше царского, но тоже изрядный.

Внутри чертог был еще нарядней, чем снаружи. Во всю свою двадцатитрехлетнюю жизнь Луций не видывал обители роскошнее. Пол здесь был мрамор, стены обиты разноцветными бархатами, повсюду превеликие зеркала в золотых завитушках, да бронзы, да хрустали, да переливчатые порфиры.

А хозяйка волшебного замка являла гостю всё новые чудеса. Провела его галереей, с пола до потолка увешанной живописными полотнами, каждое из которых Луций желал бы рассмотреть; затем мавританской залой, где журчал алебастровый фонтан; далее – пышноцветной оранжереей.

– Пока тебе приготовят покой, отогрейся в ванной, – сказала добрая фея.

С этими словами она ввела его в обширную комнату, украшенную на манер турецкого сераля, и наш герой собственными глазами увидел инженерное чудо, о котором прежде только читал в книгах: механизм изливал из одного медного рога горячую воду, а из другого холодную. Смешиваясь, они быстро заполняли фарфоровый резервуар в виде огромной кувшинки.

– Как устроен сей канализатор? – спросил Катин, трогая витые краны. – В подвале, верно, расположен нагреватель? И конечно же, насос?

– Понятия о том не имею, – ответствовала владелица чуда, бросая в ванну какие-то зерна, моментально превращавшиеся в мыльную пену. – Залезай скорее. Жаль, если такой марципан заболит простудной лихорадкой.

Едва она вышла, Луций с наслаждением опустился в теплую, ароматную купель. Среди мыльных кружев он чувствовал себя парящим на высоконебесных облаках. Сколь неравномерна и причудлива экзистенция, думал лицензиат, блаженно смежив веки. Она то выкидывает человека нагого в хладную пустыню, то, сменив гнев на милость, нежит ласканием, однако истинный философ не устрашится аскез и не прельстится сибаритствами.

– Согрелся? – услышал он знакомый голос.

Сверху с улыбкой на него взирала та, которой он был обязан своим блаженством. Дама успела переоблачиться в златоалый китайский халат и снять накладную куафюру. Ее собственные русые волосы были покрыты шелковой сеткой.

– Позвольте, сударыня, узнать имя той, кто заботится обо мне приятнейшей родной матери? – спросил Катин.

Лицо дамы впервые омрачилось сердитой гримасой.

– Да ты дерзец! Какой еще матери? Ну-ка, сдвинься!

Халат с шелестом соскользнул на пол, и хозяйка предстала перед обомлевшим молодым человеком в совершенной натуральности. Перенеся полную, румяную ногу через край ванны, фея с плеском погрузилась в воду.

– Зови меня пока Маврой Егоровной, а я тебя нареку Королевичем. Вот и корона.

С этими словами она водрузила ему на макушку большой ком пены, потом притянула к себе Луция и стала целовать.

– Можешь называть меня Маврушей, – позволила она много позже, уже в опочивальне, среди растерзанных перин. – Испытание ты выдержал славно. Не лицензиат ты, а действительный академик. Будет о чем поведать матушке. Она до таких рассказов охоча.

Опершись на локоть, фея с умилением погладила сонного Луция по голове.

– Истинно говорят: наилучшие из красавцев те, кто не ведает о своей красе иль не удостоивает ее внимания. – Вздохнула. – Ладно, ступай, тебя проводят. На нынче с меня хватит. Я уж не такая сластена, как прежде. А спать я люблю одна.

Будучи ведом молчаливым, важным лакеем по коридорному лабиринту, Луций укорялся тем, что так быстро нарушил обет относиться к женщинам только как к сестрам. С другой стороны, для сестры Мавра Егоровна («Маврушей» он не посмел назвать ее даже мысленно) старовата. А и какой был выбор? Еще

древний мудрец сказал: «Нет хуже греха, чем оскорбить того, кто сделал тебе благо». Лязь ль было обидеть добросердечную хозяйку отвержением ее перезрелых ласк? Он заслужил бы тем имя чернейшего из неблагодарных.

Мысль была утешительная, усталое тело требовало отдыха. Наш герой рухнул на подушки, рассудив, что додумает обо всем этом завтра. Утро вечера мудренее.

* * *

И утро настало прямо в следующее мгновение. Только что он задул свечу, лег, сомкнул ресницы, как тут же раскрыл их – а уже светло и даже не рано. Каминные часы показывали ровно десять. Должно быть, их тренькание и пробудило Луция.

Он сел на мягкой постели, осмотрел хорошенькую, как шкатулку, комнату и увидел, что на кресле разложена будто сама собой явившаяся одежда – что-то персиковое с позолотой.

Потом молодой человек умывался в примыкающем туалетном кабинете, где кроме самолюющей воды обнаружился еще и настоящий вассерклозет. Луций исследовал его устройство с великим интересом, восхищаясь хитроумной инженерией.

Вышел – на столике чашка с дымящимся шоколадом. Выпил, оделся, погляделся в зеркало – и остался собою недоволен. Из веницейской рамы на него пялился расфуфыренный хлыщ в золотистой жилеточке и кокетливом камзоле с перламутровыми пуговками.

Как низко я пал, горестно сказал себе Луций. Ряженая кукла в кукольном домике! Куртизан! Игрушка для разврата!

Самоугрызение – горькая услада всякого взыскательного ума, но Катин не успел как следует ею напитаться. В дверь сунулась напудренная голова лакея, и молодому человеку было объявлено, что ее сиятельство велит пожаловать.

Стало быть, Мавра Егоровна – сиятельство, думал Луций, следуя за провожатым. Что ж, неудивительно, если бы и светлость.

Хозяйку он нашел в будуаре, своею обширностью подобном танцевальной зале. Мавра Егоровна сидела за столом, с пером в руке и почему-то в бархатном домино на лице.

– Прости, милаша, за сие, – молвила она, коснувшись маски. Тон ее был деловит. – Утренняя Аврора в мои годы нельстива. Покажусь тебе после, когда со мною управится мой француз. Пока ж хочу устроить твою судьбу. Не лицензиатом же тебе оставаться. Думаю вот, какому полковнику отписать. Ты в котором регименте желаешь состоять – кавалерийском иль пехотном? Не хочешь – ступай во флот, как мой младшенький. Ему семнадцать, а уже лейтенант. Что мундир-то у них хорош, прелесть!

– Я не расположен к войне и военным занятиям, – ответствовал Луций.

– На войну тебя никто и не пустит. Пускай дураки и некрасивые воют. Но у нас в России без службы нельзя, иначе кто ты такой? Определить, что ли, тебя в конногвардейцы?

– Я на коне неважно езжу.

В дверь деликатно постучали.

– К вашему сиятельству Степан Федорович Фермор.

Добрая фея воздела перст.

– О! Судьба сама дает подсказку. Се командир Семеновского полка. Мундир у семеновцев тоже недурен, в самый раз к твоим лазоревым глазкам. – И велела слуге: – Веди генерала в малую гостиную. Скажи, скоро буду. А ты, Королевич, подожди здесь.

Взволнованный, Катин принялся расхаживать по комнате, ругая себя за малохарактерность. Надобно было решительно объявить, что военного мундира он никогда и ни за что не наденет! Ведь взявший в руки оружие отвергает самое принцип человеколюбивости!

Догадываясь, что Мавра Егоровна подобных сентенций выслушивать не станет, он решил изложить их в записке, ибо написанное слово весомее изреченного. Оставить декларацию на столе – и удалиться. Это будет поступок не куклы, не игрушки, но достойного мужа с твердыми убеждениями.

На столе рядом с чернильницей лежало письмо, адресованное «Ее светлости графине Мавре Егоровне Хавронской».

Ах, вот это кто!

Луцию стало понятно, почему хозяйка дворца запросто ездит к государыне и может распоряжаться гвардейскими полковниками. Всему Санкт-Петербургу известно, что российской державой управляют женщины, входящие в ближний круг ее величества. Наисильнейшая из них, наиблизжайшая к державной особе – царская кузина Хавронская. Ни одно значительное назначение, ни одна перестановка в верхах не свершается без ее участия. То-то к ней сам начальник лейб-гвардии Семеновского полка генерал-аншеф Фермор с утра ездит и дожидается, пока примут.

Может, так тому и следует быть – чтобы миром правили женщины, а мужчины послушно исполняли их волю? Известно, что материнское сердце великодушнее и себяотверженнее отцовского и что женщине естественнее являть на свет человек, нежели отправлять их в тьму. Взять хоть правление кроткой государыни Елисаветы и ее пусть легкомысленных, но не злотворных подруг. Россия – единственная страна мира, где не существует освященного законом смертоубийства, называемого смертной казнью. И еще: сколько лет русские уже ни с кем не воюют, когда европейцы беспрестанно бьются между собою. Ведь и нынешняя война, в которую Россия вступила единственно из союзнической верности, то есть по призыву чести, является войной разве что по названию. Дерутся пруссаки, австрийцы, британцы, французы, саксонцы, а мы лишь шлём королю Фридриху укоризненные манифесты и даже вон ведем миролюбивые беседы с его адъютантом.

Да хоть бы вспомнить и историю человеческого рода! Ученые авторы пишут, что матриархальная эпоха длилась много протяженнее патриархальной, а если о том не сохранилось упоминаний в анналах, то лишь потому, что в те времена ничего не происходило, сиречь никто никого не завоевывал, не строил пышных градов, не плавал за моря, не делал новоизобретений. И кому от того было хуже? Не являлся ли матриархат тем самым мирным, златым веком, о котором

ныне вздыхают философы и мечтатели? И нужен ли людскому роду так называемый прогресс, если платить за него надобно кровью, муками и горем?

Эта идея, противоречившая всем привычным убеждениям адепта Просвещения, настолько потрясла Луция, что он позабыл о Мавре Егоровне и ее чиновном госте, ныне обсуждавших будущность лиценциата. Споря сам с собою – что лучше: прогресс или гармония – он перемещался мыслями то в дальнейшее прошлое, то в дальнейшее будущее и чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда большие напольные часы вдруг начали бить полдень.

Почти в ту самую секунду, словно по сговору с хронометром, в кабинет вошла Хавронская. Она была без маски, сильно посвежевшая и помолодевшая.

– Все устроено, – объявила графиня. – Степан Федорович нынче же запишет тебя гвардии прапорщиком. Пока шьется мундир и собирается прочая экипировка, станешь подпоручиком, к рождеству получишь поручика, а дальше уж как себя покажешь на службе.

– Как я могу себя показать на службе, ежели не имею понятия о фронте и воинских упражнениях? – пробормотал Луций, сообразив, что за гисторическими рассуждениями так и не написал своей декларации.

– Не на той службе, дурачок. На настоящей. – Мавра Егоровна поманила его пальцем. – Я вот красу восстановила, кофею попила и снова жива. Пойдем-ка в опочивальню. Порадуешь рабу божью.

Так вот в чем суть матриархата, открылось Катину. Когда не мы их, а они нас. Однако недостойной цивилизованного человека мысли наш герой устыдился и пошел на зов благодетельницы. Как было не пойти?

– Ну вот что, – объявила графиня, вволю наравдавшись. – Передумала я. Не повезу тебя к матушке. Грех мне, скареднице, но не отдам тебя ей. Себе оставлю. Сейчас мне ехать во дворец, так я скажу, что лиценциат оказался пригож, да не гош. Авось позабудет про тебя, память у нее недлинная. А еще я подумала – прав ты. Незачем тебе вступать в гвардию. Будешь во дворце караул нести – обязательно попадешься ей на глаза. Она таких статных, сладких всегда отмечает... Ты говорил, что не расположен к военным занятиям?

– Совсем не расположен! – воскликнул Луций, потирая распухшие от поцелуев губы.

– И славно. Определю тебя по статской линии. В ту же Иностранную коллегию, где служил твой отец, да не толмачом, а на хорошую должность.

В первый миг Катин поразился, откуда она знает про отца, но сообразил: это же графиня Хавронская – приказала, и всё ей вызнали. Поди, и про учительство у Буркхардтов знает. Возможно, и про вчерашнюю битву – шуму ведь было на весь квартал.

Мавра Егоровна глядела на юного аманта с нежностью.

– Никому тебя не отдам. Растревожил ты во мне что-то. Не только плоть, но и душу. Полюбила я тебя, Королевич. Уж и не думала, что смогу, а надо же. На немолодости лет сделал ты меня счастливою. Хочу отплатить тебе тем же. Скажи только, о чем мечтаешь. Я мало чего не сумею. Да не сразу отвечай, подумай. Вернусь из Зимнего – скажешь.

Истинно: волшебная фея, исполняющая любое желание, подумал Луций.

Оставшись один, он стал размышлять, чего же ему пожелать?

Быть фаворитом у фаворитки? Завидная доля. Еще лучшая, чем быть любовником самой императрицы. Тот на виду у всех, окруженный завистью и тайной враждой, вечно устрашаемый иными соискателями, которые могут и подсыпать отравы. Миньону графини Хавронской куда покойнее. Мало кто про тебя знает, а выгоды, считай, те же.

Чего ж захотеть?

Карьеры и чинов не надобно. Несметных богатств тоже. Утопать в роскошах? К чему? Зачем это умному человеку? Денег нужно столько, чтобы обрести от них свободу, не более.

Иметь небольшой, но славно устроенный дом – среди сада, с хорошей библиотекой. Читать мудрое, привольно размышлять об интересном, а после

написать книгу, которой еще не бывало. Это ль не счастье? И нет ничего зазорного в том, что оно оплачивается некоей благотворительницей. Разве не так же проживает великий Жан-Жак, иждивенствуя за счет мадам Д'Эпинэ? Правда, эта просвещенная дама чтит философа не за постельные таланты, а за мудрость. Что ж, Мавра Егоровна уже полюбила душу своего протеже. Дайте срок – полюбит и его ум. Она будет первой читательницей грядущих небывалых книг!

Но безжалостный Рационий охолодил прельстительные мечты. «Не рано ль на двадцать четвертом году, еще толком не повидавши жизни и мира, обращаться в отшельные философы? – строго спросил сей трезвый собеседник. – Какие такие книги собираешься ты писать? О чем? О том, что вычитаешь в других книгах? Что ж тогда в твоих писаниях будет небывалого?».

И вечером, когда графиня вернулась из дворца, Луций заявил ей:

– Вы желали знать, какова моя мечта. Извольте. Отвечаю прямодушно, ибо не желаю оскорблять вас притворством. Хотя меня и влекут чары Флогистона, аромат коего вы столь приятно источаете, я желаю посвятить себя иному эфиру, Рационию.

– Говори яснее, – нахмурила лоб Мавра Егоровна. – Без аллегорий.

– Есть мечта, осуществления которой я и не чаял по скудости средств. Я почитал бы высшим счастьем изучать механику небесных сфер в прославленном Тюбингене, где обретаются лучшие на свете астрономы. Я выискивал бы новые звезды через могучий телескоп и составлял из них таблицы! Я высчитывал бы траекторию и ход светил! Я парил бы мыслями в бескрайнем космосе, пытаюсь разгадать его тайну и смысл! О, я был бы счастливейшим из людей...

Он вдруг осекся, увидев, что глаза его слушательницы наполняются слезами. Лицо Мавры Егоровны, обычно веселое и уверенное, сейчас выглядело потерянным, несчастным.

– Я расстроил вас? – пролепетал Катин. – Поверьте, я не желал этого, я всего лишь...

Она ладонью прикрыла ему рот, горько повздыхала и молвила:

– ...Что ж, пусть лучше завершится так, чем иначе. Я ведь не дура, я знаю, чем оно закончится. Однажды я застигла бы тебя в объятьях какой-нибудь юной сальфиды, потому что природа есть природа. Я озлилась бы, сотворила тебе лихо, а после убивалась бы... Нет, королевич. Лиха тебе я не желаю...

И заплакала так горько, не по-взрослому, а по-девичьи, что у Луция разорвалось сердце.

– Нет, нет! Это всего лишь мечта! Я останусь с вами! – воскликнул он и тоже заплакал.

Так вместе лили они слезы, и Мавра Егоровна вытирала их платком поочередно то себе, то своему возлюбленному.

Наплакавшись же, она погладила его по щеке. Грустно прошептала:

– Отпускаю тебя. Лети к своим звездам. Будь счастлив, королевич.

Глава III

В Кронштадте будущий звездочет сел на нейтральный шведский корабль, который должен был доставить его до вольного города Гамбурга, не заходя во враждебные прусские порты. Оттуда Катин намеревался сушей добраться до Тюбингенского университета, прославленного именем великого Кеплера, автора «Космографической мистерики».

На прощанье путешественник был благословлен, усыпан поцелуями и облит слезами, а также экипирован всем необходимым и даже излишним. Кроме сундуков, баулов и восьми коробок с шляпами на все случаи, ему был вручен сафьяновый ларец, доверху наполненный золотыми червонцами.

Корабль «Сундсвалль», будучи судном торговым, не имел пассажирских помещений, но капитан согласился разделить со знатным вояжиром собственную каюту.

Сначала херр Лунд немного дичился русского богача, ожидая от него варварских непотребств, однако учтивые манеры нашего героя скоро одолели это предубеждение. Когда же шкипер узнал, что молодой человек говорит по-шведски, да еще и наполовину швед, у сожителей установились самые приятные отношения.

Днем Луций разгуливал по палубе, с наслаждением вдыхая холодный морской ветер. Корабль он скоро изучил от трюма до верхушек мачт, по очереди вскарабкавшись на все три, и с позволения капитана даже выпалил из кормовой пушки.

Оказалось, что морем можно любоваться бесконечно. Вид безудержно вздымающихся волн был полон неизъяснимой приятности, а от качки Луций совершенно не страдал – наоборот, с наслаждением вздымался и опускался, будто в детстве на качелях. Капитан сказал, что у херра Катина моряцкая природа.

Луцию самому было жаль, что он не родился в семье моряка или хоть скромного рыбака, сызмальства приученного к текучей стихии. Суша тверда, недвижна, несвободна, разделена границами и шлагбаумами. Море безгранично и привольно. Отделившийся от берега челн способен уплыть куда угодно. Парус повлечет его вперед, не требуя овса иль сена. Питаться в море можно рыбой, а пить дождевую воду (балтийское небо изливало ее на треуголку и плащ Луция в изобилии). Он предавался мечтам о плавании по всему свету, с добрыми спутниками, а хоть бы и в одиночестве, наедине с величавой стихией.

По вечерам, сидя у заваленного лоциями и уставленного простой, но обильной снедью стола, под низким потолком, где раскачивался медный фонарь, кормщик «Сундсвалля» и его русский спутник вели неспешные беседы о всякой всячине:

о европейской политике, о морской торговле, о Швеции, о России.

Мудрый капитан говорил, что его стране очень повезло, когда она проиграла войну царю Петру и перестала быть великой державой. Великие державы тратят все силы и деньги не на то, что внутри страны, а на то, что снаружи: желают подобрать под себя окрестные земли. Швеции, слава Господу, это больше не нужно. Пускай победители-русские теперь надсаживаются, держа огромную армию и флот. Конечно, и среди шведов дураков еще хватает. Многие скучают по былому величию – это как зуд в отсеченной руке. Она хотела бы схватиться за саблю, да нечем.

...Плыли мирно, без опаски. До Гамбурга бояться некого, говорил шкипер. Но груженная сапожной кожей шхуна плыла дальше, до французского Гавра, а за датскими проливами шныряли английские корабли. Британцы не посмотрят на нейтральный флаг. Коли заподозрят, что товар предназначен для французов, – всё конфискуют, а шхуну заберут. Луций сочувствовал, но его эта напасть не касалась. Он ведь сходил раньше.

Ветер все время был норд-ост, попутный, и с четвертого дня пути берег, от которого корабль никогда не отдалялся более полутора миль, стал чужестранным – сначала курляндским, потом прусским. Катин с интересом разглядывал за границу, но на таком расстоянии она ничем не отличалась от отечества – блеклая линия песков с зелеными полосами леса и серыми пятнами селений.

Однажды, когда молодой человек стоял на шканцах, счастливый позволением держать штурвал, капитан показал:

– Видите разрыв в песчаной косе? Это проход в залив, где расположен Кенигсберг. Если б не война, можно было бы сделать остановку. Однако прусские таможенники узнают, что мы заходили в русский порт, и начнется канитель.

Тут из пролива, на который он только что показал, выплыл юркий двухмачтовый корабль и косо пошел под бейдевиндом.

– Капитан, он срезает нам нос, – сказал вахтенный начальник.

– Пускай его, – беспечно молвил херр Лунд. – Пруссаки хорошие солдаты, но паршивые моряки. Шведа им не переманеврировать.

И попросил Луция:

– Пустите-ка вахтенного к рулю, друг мой. Поворот через фордевинд!

Корабль заскрипел, накренился.

Изменил курс и чужой корабль. Он быстро приближался.

– Черт, для немца больно ловок, – пробормотал капитан теперь уже озабоченно, не отрываясь от трубы... – Ничего, это всего только бригантина о восьми пушек. У меня тринадцать. Сунется – отгоним. Досмотра я не допущу. Они заберут не только товар, но и вас, мой друг, как подданного враждебной державы.

Луций, до сего момента наблюдавший за происходящим с живым, но праздным любопытством, взволновался. Оказаться вместо университетской обсерватории в прусском плену ему вовсе не хотелось.

Получасом позднее преследователь почти сравнялся со шхуной, идя параллельно в трех или четырех кабельтовых.

На «Сундсвалле» открыли порты, предостерегающе высунули стволы пушек. При всей нелюбви к Марсовым воинственностям и оружию Луций отнесся к этой демонстрации, означавшей «Не суйтесь к нам!», с полным одобрением.

Капитан нервно двигал желваками.

– Пруссаки никогда не трогают шведов! Их король боится, что мы вступим в войну на стороне Франции. Какого черта бригантине от нас надо?

Ответ последовал в следующий же миг.

Борт чужого корабля окутался дымом, донесся гул выстрела, и прямо под бушпритом шведа высоко всплеснулась вода. Одновременно на корме бригантинны развернулся флаг: белый с красным крестом и с темным квадратом

в верхнем углу.

– Английский приватир! – ахнул капитан. – Что он делает в восточной Балтике?

Вахтенный спросил:

– Открываем ответный огонь?

– С ума ты сошел! Это же англичанин! Он продырявит нас, как утку! Видал, как точно они положили первое же ядро! Спускать паруса!

Отдав это немужественное приказание, шкипер ринулся с мостика прочь.

– Куда вы? – крикнул Луций.

– Порву и выброшу накладные ассигнации для французского товара. Англичане наверняка устроят обыск... Ничего, бог милостив. По крайней мере вам, мой друг, опасаться нечего. Англия с Россией не воюет.

Шхуна сбавила ход, встала. Английский приватир, сиречь судно, снаряженное частными лицами по королевскому патенту для морской войны, покачивалось напротив, угрожающе наставив на купца четыре пушечных дула. С удивительной быстротой и слаженностью на воду опустилась шлюпка, в нее слетели по канатам вооруженные люди.

Настоящие англичане, думал Катин, уже не боясь, что его ссадят на берег. Молодой человек был даже рад возможности посмотреть вблизи на соотечественников великого Гоббса и премудрого Локка, сынов Вольной Хартии, граждан страны, где простолюдины пред законом равны вельможам и могут избирать своих представителей в парламент. Блаженно общество свободных людей! Они служат собственной державе не из страха и не из-под палки. Взять хоть этих моряков. Люди невоенные, приватные, они добровольно отправились защищать свое островное отечество в грозную годину. Не похвально ли?

Свободных граждан в шлюпке было десятка полтора. Впереди стоял, подымливал трубкой некто массивный, багроволицый – очевидно, предводитель. Гребцы, дружно вздымавшие весла, были обвешаны самым разнообразным

оружием.

– Лучше б это был военный корабль, – мрачно сказал вернувшийся капитан. Он опоясался белым шарфом, нацепил шляпу с позументом.

– Почему? Разве мирные обыватели, каковыми являются эти люди, не мягкосердечнее военных?

Лунд вздохнул.

– Нет хуже хищника, чем обыватель, почуявший безнаказанную поживу. Эй, спустите им трап!

Скоро на палубу один за другим полезли англичане. Луций глядел на них с жадным любопытством, пытаясь угадать, кто эти люди в обычной жизни. Торговые моряки? Рыбаки? По тому, как неловко висели на них абордажные сабли, мушкетоны и пистолеты, было видно, что они не слишком привычны к оружию.

Мордатый начальник крикнул что-то зычное на своем неблагозвучном наречии.

– Велит всем быть около своих вещей и ждать, – перевел капитан, учтиво приподнял шляпу и тоже заговорил на английском. Луций пожалел, что не удосужился выучить этот малоупотребительный и, говорят, несложный язык.

Не ответив на поклон, британский капитан вертел короткой шеей и раздувал ноздри, будто принюхивался. Что-то буркнул. Херр Лунд повел его в свою каюту. Следом направился и Луций – велено же было находиться подле своих вещей.

Но в каюту молодого человека не допустили. Часовой грубо остановил его, наставив дуло. Луций попытался объяснить по-немецки, но англичанин не понял. Тогда наш герой сказал по-французски, что квартирует в этом помещении.

Тут дозорный оживился. Сначала спросил непонятное:

– Ар ю а френчи?

Потом прибавил:

– Франсе?

– Нет, я русский. Санкт-Петербург.

Англичанин отвернулся, махнул рукой: стой.

Из-за двери неслись голоса: один требовательный, второй жалобный.

Потом оба капитана вышли.

– Требуется отвести в трюм, – кисло шепнул херр Лунд. – Я должен доказать, что груз не для французов. Иначе конфискуют.

Луций был неприятно удивлен.

А как же право? Разве не гласит великий принцип британского правосудия, что доказательство виновности – забота обвинителя? Надо будет напомнить об этом английскому начальнику, когда он вернется.

В каюту вместе с ним вошли трое приватиров – тот, что давеча наставлял ружье, и с ним еще двое. Готовый к досмотру Катин держал в руке российский паспорт с сургучной печатью, но вошедшие на документ не взглянули, а сразу начали рыться в сундуках. Откинув кожаную крышку ларца с червонцами, один радостно улюлюкнул. Остальные кинулись к нему. Зазвенело золото.

– Это мои деньги, – сказал Луций по-немецки. – Попробуйте только запустить в них лапы – пожалуюсь вашему капитану.

Для понятности он погрозил гражданам свободного общества пальцем.

Те о чем-то заспорили меж собой, но быстро пришли к соглашению. Двое вдруг подхватили пассажира под мышки, приподняли и куда-то понесли спиной вперед. Третий шел сзади, наставив на Луция мушкетон.

Хоть наш герой протестовал на всех известных ему языках, включая античные, его семенящим шагом проволокли по пустой палубе, приподняли – и прямо в лоб молодому человеку ударил окованный железом приклад.

Свет померк в глазах Катина. Он не почувствовал, как его переваливают через борт и скидывают в море.

Текучая, привольная стихия, слиться с коей недавно мечтал Луций, восприняла его в свои хладные объятия и повлекла вниз, в пучину.

Глава IV

Обжигающий холод Катина и спас. Сознание, сокрывшееся было от недружественной действительности, встрепенулось и пробудилось. Прежде всего раскрылись глаза. В первый миг тонущий не понял, почему всё вокруг мутно-зеленое, разинул рот крикнуть – и глотнул соленой горечи. Лишь тогда Луций сообразил, что находится под водой, задвигал конечностями и успел достичь поверхности раньше, чем задохнулся.

Верхний мир не обрадовался возвращению утопленника. Вынырнув, Катин увидел над собою борт шхуны, а над бортом сосредоточенные физиономии своих погубителей. Один из них немедленно приложился к мушкетону, готовый довершить злодейство, и Луций, судорожно глотнув воздуха, поскорее погрузился в менее опасные пределы Нептунова царства. Под водой он перевернулся и постарался отплыть как можно дальше от гибельного корабля.

Случившееся злосчастье, по-видимому, имело самое простое объяснение. Увидев золото, которое нельзя было конфисковать у подданного нейтральной державы, послушные международным законам британцы поступили просто: решили сократить земное бытие владельца сих богатств и сделаться его наследниками, а от своего капитана добычу утаить. Прав херр Лунд: привычки цивилизованности очень непрочны, и самые добропорядочные члены общества легко превращаются в негодяев, если их алчность получает лицензию на грабеж от предрержащей власти. Сентенция была такая длинная, что, мысленно проговаривая ее, Луций едва не задохнулся.

А положение, в котором оказался наш герой, не располагало к философствованию. Холодной воды он не боялся. Батюшка с детства закалял его купанием в проруби. Не страшился Катин и потопнуть – в виду берега тонут разве что со страху. Однако чтобы не заоченели и не свелись судорогой члены, надлежало полностью сосредоточиться на движении. Это пловец и сделал, начав считать гребки.

До суши было не столь уж далеко – пожалуй, с три Невы. На двухсотом взмахе руки Луций перестал чувствовать холод, после тысячного позволил себе немного отдохнуть, перевернувшись на спину, а перед двухтысячным уже нащупал под ногами твердь.

Он больше замерз, пока брел нескончаемым балтийским мелководьем до песчаного берега, где колыхали своими зелеными шапками сосны и горели в ряд костры – непонятно для какой надобы. Людей в окрестной видимости не было.

Ступив наконец на сушу, Катин увидел, что на каждом костре установлен большой котел, и по клубящемуся пару догадался: это солеварня. Судьба, едва не погубившая путешественника в холодном море, сжалась над ним. Потому, не обижаясь на первое, Луций поблагодарил Фатум за второе и скоро уже грелся подле благословенного жара. Его одежда и башмаки сушились близ огня.

Видно, мне не написано на роду владеть златом, беспечально думал молодой человек. Пожалуй, это и к лучшему, ибо богатство досталось не вполне непостыдным образом. Червонцы пропали, однако на камзоле золотые пуговицы, а в жилетном кармане часы, пускай испорченные водой, но тоже золотые. Главное – цела голова, хоть и украшена шишкой. Руки-ноги никуда не делись. Европа – вот она. Как-нибудь всё устроится.

Ободренный этой максимой, которая при кажущейся своей неумности является одной из мудрейших на свете, Луций оделся и обулся, не дожидаясь, чтобы платье и башмаки высохли до конца. Ему не терпелось скорее увидеть Европу.

Волосы он расчесал пальцами, перевязал сзади цепочкой от часов и обратился вполне приличным господином, каковой не должен был ни у кого вызывать подозрений. В своем немецком языке Катин был уверен. Конечно, туземцы услышат, что он говорит не чисто, но русского в нем не заподозрят. Откуда тут, в Пруссии, взяться российскому обитателю? Опять же немцы разделены на полсотни стран, и всякая изъясняется на свой манер. Можно назваться швабом или, еще лучше, швейцаром.

Без колебаний он направился к видневшемуся вдали соляному амбару и нашел там солеваров, которые хоть и удивились невесть откуда взявшемуся кавалеру, но показали, в какой стороне расположен Кенигсберг. До города было двадцать миль. За одну пуговицу с камзола Луция согласились нынче же туда доставить, невзирая на близящиеся сумерки.

В повозке с сеном, под овечьей шкурой, путешественник отлично выспался, и утром был у ворот родовой вотчины прусских королей. Грядущие приключения его нисколько не пугали, а лишь пробуждали радостное волнение. Если б не война, Катин охотно задержался бы в этом прославленном городе, наполненном учеными людьми и книжными лавками, а также содержащем знаменитую Публичную библиотеку, в которой – о благая Европа! – всякий волен бесплатно сидеть хоть целый день, читая любую книгу.

Полюбовавшись видом реки Прегель, где у пристаней в ряд стояли купеческие парусники, молодой человек вышел на пышную Кнейпхофскую улицу, по-петербургски прямую и обстроенную добротными домами – те, уже совсем не по-петербургски, прижимались друг к другу своими каменными этажами. Диковинными показались Луцию и темные, щелеобразные переулки, где вряд ли разошлись бы, встретившись, две полнотелые русские дамы – скажем, Анна Леокадьевна с Маврой Егоровной. Воспоминание о первой вызвало у нашего героя кислую гримасу, о второй – растроганную улыбку, но оба эти мимических движения были кратки, и мысль устремилась дальше.

Луция занимало всё. Присев на корточки, он щупал мостовую и тротуары, дивясь аккуратности масонской работы. В истинный восторг привели его общественные

колодези. Они были почти на каждом перекрестке, построенные в виде башенок и снабженные насосами, так что качать воду легко могла даже ослабленная летами старушка.

У нас в Петербурге всё делается напоказ, чтобы поражать приезжего, а изнутри, куда не достигает чужой глаз, неустройство и грязь, думал Катин. Здесь же люди существуют для себя, помышляя о собственном удобстве. Вот чем русская жизнь разнится от европейской. Эта рефлексия пришла ему в голову, когда, заглянув в глухой дворик, он увидел там не помойку, а прелестный крошечный садик, созерцать который могли только тамошние немногочисленные обитатели. Цивилизация должна двигаться не так, как задумал Петр Великий – сверху вниз, от государства к народу, а противоположным образом – снизу вверх. От опрятности тела и духа каждого гражданина к опрятности и пристойности его жилища, двора, улицы, города, страны. Сия теория показалась Луцию такой глубокой, что он сам себе восхитился.

Прогулка по Кенигсбергу продолжалась до тех пор, пока требовательный зов желудка не побудил Луция прервать просветительную экскурсию.

На оживленной Альштатской площади, наполненной самыми разнообразными лавками, Катин продал свои часы, обменял нарядный, но не практичный камзол на удобный в дороге шерстяной плащ, шелковую рубаху – на две простые полотняные, серебряные пряжки с башмаков – на смену белья и кожаную треугольную шляпу, да еще остался с 35 талерами прибытка. Этих денег должно было хватить на то, чтобы пешком наискось пересечь Германию и добраться до заветного Тюбингена. К бережливости нашему герою было не привыкать.

Ночевать на сеновале, питаться хлебом и полезным для здоровья луком, пить воду из ручьев, согреваться у костра среди лесных кущ. Когда выпадет снег – проситься на ночлег к добрым поселянам, а буде они окажутся не очень добрыми, можно заплатить несколько грошей за кров и скромное пропитание.

Он решил не тратить более времени на исследование Кенигсберга. Впереди было много других европейских городов, не менее прославленных. Нетерпение подгоняло быстрее отправляться в путь.

Но перед дальней дорогой Луций решил напоследок побаловать себя трапезой в каком-нибудь трактире. Заведение он выбрал скромное, а пищу потребовал

самую простую: яичницу с колбасой да кувшин воды – и оказался единственным, кто употреблял здесь сию смесь водорода с кислородом. Все прочие пили более крепкие напитки.

Слева потягивал пиво румяный господин с глиняной трубочкой в улыбчивых устах, при виде нового соседа приветливо коснувшийся края треугольной шляпы. Справа сутулился над графином шнапса некто мрачный, небритый, в зеленом засаленном кафтане. Этот обшарил Катина волчьим взглядом, на учтивый поклон не ответил. Что ж, стало быть, и меж немцев встречаются невежи, подумал молодой человек. Мысль была патриотическая и потому приятная, а то после прогулки по чудесному городу путешественник, сравнивая Европу с отчизной, совсем было опечалился за сию последнюю.

Напротив локоть к локтю сидели четверо солдат в синих мундирах. У каждого в руке кружка пива, которое они отпивали бережливо, маленькими глотками. Лица тощие, хмурые. Луцию припомнились слова господина фон Кауница о лучшей во всем свете прусской армии, служить в которой великое счастье. По этим воякам, однако ж, было непохоже, что они счастливы.

От открытого очага, где на вертелах жарились сосиски и каплуны, в помещении было дымно и тепло. Катин снял свой шерстяной плащ, остался в жилете.

– Что же вы, такой статный молодец, а пьете воду? – спросил улыбчивый сосед, являя охоту к разговору.

– Из экономии, – ответил Луций, тоже улыбнувшись. Он был не против приятной застольной беседы.

– Похвальная умеренность в вашем возрасте. По речи в вас слышен чужестранец. Из каких вы мест?

– Я швед, – отвечал Катин, солгав только наполовину. Он уже решил, что во время путешествия через Пруссию будет аттестоваться этой безобидной нацией.

– Неужто в Кенигсберге нет никого, кто угостил бы вас пивом?

– Я ни с кем здесь не знаком.

Господин приподнялся.

– Не позволите ли к вам подсесть? Не люблю пить в одиночестве.

Переместившись, он представился Михаэлем Райзнером, зубным врачом.

– А я Луциус Катинсен.

– Улыбнитесь пошире, – весело попросил приветливый немец. – Я всю жизнь гляжу людям в рот и научился читать характеры по зубам.

Луций засмеялся, сочтя эти слова за шутку.

– Превосходные зубы! – восхитился господин Райзнер. – Вы совершенно здоровы, бодры и проживете долгую жизнь. По какому делу вы в Кенигсберге?

– Проездом. Я следую в герцогство Вюртембергское, в тамошний Тюбингенский университет.

– И путешествуете в одиночестве? Как это, должно быть, грустно! – огорчился за молодого человека сердобольный врач. – Мне желалось бы оставить у вас добрую память о кенигсбергском гостеприимстве. Эй, трактирщик, пива моему шведскому другу!

Хоть Катин и отказывался, но щедрый кенигсбержец настоял на своем.

Перед Луцием поставили увенчанную пеной кружку.

Смущенный и тронутый, он поглядел вокруг и вдруг заметил, что неприятный сосед слева, тот, что в зеленом кафтане, чуть покачивает головой – черт знает в каком значении. Должно быть, в ответ каким-то собственным мыслям, таким же кислым, как он сам.

– Выпьете за здоровье нашего короля Фридриха? – предложил Райзнер.

Отказываться было бы неразумно. Катин кивнул.

– Все вниманье! – провозгласил лекарь, вставая и воздевая свою кружку. – Сей славный юноша пьет за здоровье его величества – и за мой, Михаэля Райзнера, счет!

Верно, у них тут такой обычай, подумалось Луцию. Он тоже поднялся, поклонился глазающим на него людям, причем мрачный опять мотнул головой и сделал еще некий знак бровями. Надо будет после подойти и спросить, чего он хочет, сказал себе наш герой.

Он пригубил пиво, которое оказалось горьким и жидким.

– Еще, еще! – подбодрил угощающий.

Но стоило Катину как следует приложиться, как он был остановлен – прегрубо ухвачен за локоть.

– Довольно, – сказал Райзнер.

Он больше не улыбался, лицо его утратило всякое добродушие.

– Вы все свидетели, что этот человек пил пиво за короля, оплаченное мною, Михаэлем Райзнером, патентованным вербовщиком армии его величества! – громко объявил никакой оказывается не лекарь залу, а Луцию молвил: – Всё, парень. Ты зачислен на службу в великую прусскую армию. Следующие двадцать лет будешь покупать себе пиво из солдатского жалованья – 3 талера 15 грошей в месяц.

Что это не шутка, Катин понял, оглядев трактир. На него глядели с жалостью, а левый сосед, недавно подававший невразумительные знаки, ныне произвел другой, совершенно ясный: постучал себя костяшками пальцев по лбу.

– Подите вы к черту с вашим пивом! – рассердился тогда Луций. – Сколько оно стоит? Я заплачу сам.

Вдруг четверо синемундирных солдат разом вскочили и приблизились к столу. Сделалось ясно, что они тут не сами по себе, а при вербовщике. От пятерых не отобьешься, а коли на их стороне еще какой-то местный неправедный закон про

дармовое пиво – совсем беда.

В трудных жизненных позициях следует не паниковать, а призывать на помощь Рационий. Так наш герой и поступил.

– Сколько ты получаешь за рекрута? – спросил он коварного человека.

– Если такого роста, как ты, и со всеми зубами – десять талеров.

– Я тебе дам вдвое.

– Не могу, – с сожалением ответил вербовщик, покосившись на солдат. – За такое у меня отберут патент и посадят в тюрьму.

– Втрое, – предложил тогда Луций, не давая воли отчаянью. – Дам тридцать талеров! Даже тридцать пять. Это всё, что у меня есть.

Михаэль Райзнер посмотрел на служивых.

– Ребята, если каждому дам по талеру, не выдадите?

– По два, – сразу сказал один. Остальные кивнули.

У Катина отлегло от сердца. Пускай он будет без гроша, зато свободен!

Повернувшись к стулу, на котором висел плащ, он сунул руку в карман, но кошелек там не обнаружил. То же и во втором. Что за наваждение?

Хотел поискать на полу и тут заметил, что соседний стул пуст, а в дверях мелькнула зеленая спина.

– Стой! – крикнул Луций, враз догадавшись, что это уходит вор.

Он кинулся вдогонку и, будучи скор на ногу, догнал негодяя на улице. Тот, впрочем, не слишком поспешал.

- Верни деньги! - потребовал обкраденный. - Без них мне неволя!

С ухмылкой, вполголоса, похититель проговорил:

- Тебя предупреждали, но ты дурак. Дураку ни денег, ни воли не надобно.

- Ах ты так?!

Катин занес кулак, но сзади на его плечах повисли солдаты.

- Куда?! Бежать?!

- Это вор! - объяснил Катин. - Он украл мой кошель!

- Врет! Я его знать не знаю! - преспокойно заявил преступник. - Да, у меня есть кошель, но он мой.

Вербовщик покачал головой.

- Ворами занимается полиция, мое дело - ловить дезертиров. Ты выпил королевское пиво, а после хотел сбежать со службы. В окопы его, ребята!

И со всей силы стукнул Луция короткой тяжелой дубинкой по голове.

Второй за короткий срок ушиб мыслительного органа вкупе с потрясением от людского коварства оглушил и ослепил Катина.

Очнулся он в повозке, прикованный цепью к грубой скамье. Рядом, в таком же собачьем положении, находились еще двое пленников.

- Кто вы? - едва ворочая языком, спросил Луций товарищей по несчастью.

Один, саженого роста детина, пробормотал что-то непонятное, кажется, польски. Второй всхлипнул и разрыдался.

А я плакать не стану, сказал себе наш герой, потирая свежую шишку. Служить чертову королю Фридриху – тем более. Еще не хватало! Не вечно же меня будут держать в оковах. Как только отцепят – сбегу. Вольного сокола в клетке не удержишь.

* * *

Повозка ехала не в дальние края, а за реку, в рекрутское депо. То была настоящая крепость или скорее тюрьма: прямоугольник из высоких земляных валов с глубоким рвом вокруг, с часовыми у ворот.

В дороге спутники рассказали, как попали в лапы охотников за молодыми мужчинами.

Повесть верзилы-поляка была такая. Его, повара из Торуня, наняли на службу в Кенигсберг, а когда он добрался до места, обнаружилось, что это заманивал пройдоха Райзнер – за рослых парней, годных для королевской гвардии, давали тройную цену. (Понимать польскую речь оказалось нетрудно. Довольно вообразить, что говорящий картавит на буквах «рцы», «слово», «земля» и твердом «люди», а еще ударяет всякое слово на предпоследнем слоге.)

У плачущего, курляндского крестьянина, вышло проще. Он привез продавать в город овечьи шкуры. Отторговавшись, на радостях напился и утром, на хмельную голову, угостился бесплатным пивом за счет его прусского величества. «Дурень я дурень, попил пивка, деревенщина», – горько сокрушался бедолага, а Луций подумал, что некий ученый лицензиат и выпускник академического пансиона ничуть не умней.

Духом он, впрочем, отнюдь не падал, ибо совсем не имел сего обыкновения. Когда повозка въехала в полосатые ворота, за шлагбаум, Катин приподнялся на скамейке и принялся озиаться, чтоб оценить прочность клетки, в которую судьба заперла вольного сокола.

Клетка была обширна.

Два десятка длинных палаток ровными рядами, над каждой вился дымок. Откуда-то с дальнего конца доносились крики команд и барабанный бой.

Должно быть, там плац. К валу примыкало приземистое каменное здание навроде конюшни, но оттуда слышалось не ржание, а вой и лай множества собак.

Внутренность лагеря Катина, впрочем, занимала мало. Обжиться тут он не собирался. Гораздо внимательнее наш герой оглядел валы и составил о них самое отрадное впечатление. В нескольких местах они осыпались, так что можно вскарабкаться. Караулы стояли лишь по углам и взад-вперед не расхаживали. Днем часовые, конечно, увидят беглеца, а в темноте – вряд ли.

– Вылезай! – приказал узникам вербовщик Райзнер. – Не сутулься, Pole, покажи свой рост. И ты, Schwede, расправь плечи! Kurlander, не хнычь! Покажите товар лицом! Мы идем к казначею за платой. Шагай веселее, мясо!

«Мясом» плененного философа в последующие часы обозвали еще не раз.

Старший писарь объяснил едва освобожденным от цепей новичкам, что это раньше они были сами по себе люди, а теперь они мясо, принадлежащее Мяснику Фрицу (Луций не вдруг догадался, что это про короля Фридриха), и тот может сделать с ними что захочет – сварить, зажарить или прокрутить в фарш. Каждую фразу писарь подкреплял взмахом палки.

Фельдшер, тоже грозя палкой, велел «мясу» раздеться догола, пока из него не сделали отбивную, и определил поляка в гвардейские гренадеры, Луция – в обыкновенные, а невысокого курляндца в фузилеры. Их разлучили, и больше Катин своих незадачливых товарищей не видел. Его отвели в гренадерскую палатку и передали ротному фельдфебелю, потом взводному сержанту, потом капралу со словами: «Вот тебе нового мясца на отбивку».

Все перемещения осуществлялись почти без слов. Рекрута перегоняли от места к месту взмахом палки. Скоро Катин уразумел, что обитатели депо делятся на две породы: те, кто с палкой, и те, кто без оной. Первые – разного чина начальники. Вторые – то самое мясо.

Ну моим-то мясом вы подавитесь, мысленно приговаривал Луций, пока что всему безропотно подчиняясь и зорко глядя вокруг.

К исходу дня он знал уже многое.

В кенигсбергском депо содержалось несколько сотен новобранцев из пленных и насильно завербованных. Своей волей в королевское войско никто не шел. Рекрутов здесь учили служить и воевать по-прусски. Методика обучения была простая и действенная. Не понял приказа – получаешь удар палкой по спине или по ребрам. И так до тех пор, пока не сделаешь, что требуется. Иного языка большинство и не уразумели бы, поскольку немцы здесь составляли меньшинство, а природных пруссаков почти не было вовсе – король предпочитал не пускать собственных подданных, плательщиков налогов, на «мясо». В капралии из десяти человек, куда определили Катина, немцев имелось только трое – все саксонцы, двое были курляндские латышцы, двое поляки, один украденный с корабля французский матрос, один швед (в отличие от Луция настоящий) и теперь вот еще один русский. Наш герой открылся в своем подлинном отечестве еще писарю, рассудив, что лучше угодить в пленные, нежели в солдаты, но пруссакам было все равно, кто ты. Хоть черт с рогами.

Командовал капралией богемец Франта, по виду и повадкам истинный зверь: с торчащими в стороны преогромными усами, с багровой шишкой на месте носа. Говорить по-человечески он, кажется, не умел – только орать. Чуть что – дрался. Занятие, на которое сходу угодил Луций, заключалось в том, чтоб правую ногу отличить от левой, и эта наука не всем будущим гренадерам давалась легко. Понимали, чего добивается капрал, только саксонцы и, с грехом пополам, курляндцы. Остальные по-немецки не знали, сбивались с ноги и получали удары палкой. Но когда Катин объяснил французам по-французски, шведу по-шведски, а полякам по-русски, но с пришепетом, чего добивается мучитель («хо?дзичь права но?га, по?том лева»), дело пошло на лад. Капрал велел добровольному толмачу стать рядом и переводить команды. На месте, в неподвижности, Катин получил возможность изучить расположение лагеря лучше.

Половину территории занимали палатки для рекрутов, по одной на взвод. Хорошо, что не казармы, отметил Луций, ночью будет нетрудно выбраться наружу. Другая половина была отведена под плац. Там муштровали рекрутов, поделенных на две части: еще не обмундированные новички и уже экипированные солдаты. Сбоку – на виду у всех, для острастки – располагалась площадка для экзекуций, где все время лупили фухтелями провинившихся. Оттуда беспрестанно неслись истошные вопли. С другой стороны слышался не менее громкий вой, но собачий – там находилась каменная псарня. Зачем здесь столько собак и почему они так жалобно воют, осталось для Луция загадкой.

Тут, впрочем, многое было непонятно. Например, почему экипированные солдаты, имея ружья со штыками, не перебьют своих немногочисленных истязателей. Или отчего солдат учат вышагивать столь странно: по-журавлиному, очень медленно. Однако ломать голову над сими загадками Катин не собирался. Он уже решил, что нынче же ночью сбежит. И знал, как.

Пользуясь милосердным покровом ночи проползти под краем палатки. Забраться на вал. Оттуда по крутому спуску скатиться в сухой ров. Вскобкаться на другую сторону. Может быть, раз-другой сорвешься, но земляная стена – не каменная, как-нибудь сладится. И всё. Чистое поле. Свобода!

...Вечером после на удивление сытного ужина, где дали вволю хлеба и солонины, рекрутов повели на молитву: католиков к патеру, лютеран – к пастору, а православного попа в депо не было, так что Катин остался в палатке один.

Времени терять он не стал. Шмыгнул в темень, прокрался к валу и с первой же попытки – благодарение природной ловкости – одолел эту невеликую высоту. Наверху распластался, чтоб не заметили часовые, подполз к краю, заглянул вниз, в ров, – и ошеломился.

Там, во мраке, носились какие-то быстрые, приземистые тени. Что за наважденье? Лишь когда одна из теней издала злобное рычанье, Луций понял: это собаки. Так вот зачем они в депо! Днем их держат взаперти, морят голодом, а на ночь выпускают в ров. Попробуй сунься – накинутся и сожрут. Да, с такими стражами можно не опасаться, что рекруты разбегутся.

Впервые за всё время испытаний, а может быть, даже впервые со дня, когда заснул и не проснулся его отец, наш герой испытал то душераздирающее, черное чувство, которое, верно, и называют «отчаянием».

Клетка слишком крепка. Соколу не улететь!

Унылый, согбенный, слез он по валу вниз – и угодил прямо на капрала Франту. Ждал крика, удара палкой, а затем, вероятно, и более жестокой кары, но богемец лишь покачал головой и тихо молвил – оказалось, что он умеет не только орать:

– Ты умный парень, Москва. Я сразу это понял. Запомни: убежать отсюда нельзя. В армии у тебя только два пути: или ты останешься мясом для палки, или станешь исправным солдатом. Тогда жить можно. Выбьешься, как я, в капралы. Сам получишь палку. Лучше быть овчаркой, чем овцой. Марш в палатку! Я тебя не видел.

Повернулся и пошел. Не такой уж он оказался зверь.

Над явленной дилеммой – быть овцой или овчаркой – Луций размышлял полночи и пришел к конклюдии, что выбор этот ложен. Человек не должен с ним смиряться, ибо доля гонителя и доля гонимого равно несовместны с достоинством, притом первая еще менее, чем вторая.

Но в целом совет капрала был хорош. Истинный философ сознает границы возможного. И коли не может поменять обстоятельства, начинает считать их нормой, к которой должно приноровиться.

В конце концов, сколь тяжелой может показаться армейская учеба тому, кто постиг физику с метафизикой, астрономию с астрологией и прочие мудрейшие науки? Раз из депо сбежать нельзя, надо становиться образцовым прусским солдатом, чтобы скорее попасть из западни рекрутского депо в полк. Уж там-то рва с голодными псами вокруг лагеря не будет.

Отчаяние мгновенно оставило душу, столь мало к нему расположенную, и вытеснилось обычной бодростью. Луций поудобнее устроился на соломенном матраце, закрылся с головой плащом и немедленно уснул всегдашним крепким сном.

Глава V

Человеческий разум, вынутый из ножен рассеянности и заостренный на оселке необходимости, способен рассекать любые препоны. Наш герой знал эту истину с детства и ныне вновь удостоверился в ее истинности.

Первым из отделения, уже на третий день, он был определен из зеленых рекрутов в солдатские ученики и переместился на другую половину плаца, не забыв поблагодарить за наставление капрала Франту.

В новом состоянии, обмундированный и напудренный, Марсов школяр вгрызся в нехитрую армейскую науку с тем же азартом, с каким некогда штудировал учебник латинской грамматики или «Гисторию» Пуфендорфия.

Учебный курс сего пансиона, который надлежало окончить как можно скорее, дабы выйти из его тесных стен в большой мир, по счету Луция, состоял из четырех дисциплин.

Первую можно было назвать «Монтур», сиречь «Мундир». Она давалась новичкам труднее всего. Кроме собственно мундира, который следовало содержать в идеальной опрятности, в экипировку гренадера входили: высокая шапка с медным щитком, где высечены королевский вензель FR и прусский орел; поясной ремень с медною же прягой; башмаки с черными гетрами; патронная сумка; походный ранец лосиной кожи; тесак и штык – оба в ножнах. Все металлическое должно было надраиваться мелом до ослепительного блеска. Больше всего солдаты ненавидели парик с буклями и длинной косой на железном стержне. Парик укрепляли салом, обсыпали пудрой. В сей сложной конструкции непременно заводились щекотливые блохи.

Луций поступил с «Монтуром», как в свое время с нелюбимым, но обязательным для экзамена учебником по теологии: зубрил абзац за абзацем, не вникая в смысл. Мел так мел, пудра так пудра, вакса так вакса (последнею он не только начищивал башмаки, но и рисовал под носом закрученные усы, обязательные для бравого гренадера).

Вторая дисциплина называлась «Марширунг». Солдат учили особому прусскому шагу: живот втянуть, грудь выпятить, колени елико возможно содвинуть, наклониться всей телесной сущностью вперед и айн-цвай-драй, айн-цвай-драй, единой сороконожкой, высоко задирая ноги, чеканить ровно 75 шагов в минуту. Когда пообвыклись ножные мускулы, такое хождение оказалось делом

несложным. Поворачивать на каблуке всем строем было, пожалуй, даже небесприятно.

Марширунг длился часами. Под мерный стук барабана, под прозрачное пение флейты отлично размышлялось на разные возвышенные темы.

Третья дисциплина, боевая подготовка, у Катина сначала шла неважно. Он с отвращением касался длинного трехгранного багинета, воображая, как это омерзительное устройство разрывает нежные внутренности. Не приятнейшей философу был и кремневый мушкет, заряжаемый тяжелой, в унцию, пулей. Вытолкнутая взрывом пороха, она могла покалечить или убить человека, каждый из которых есть неповторимая вселенная. Но скоро Луций уговорил себя, что экзерциции с ружьем – это всего лишь гимнастика. Он никогда никого не ударит железным штырем в живот и не пошлет в мыслящее существо раскаленную свинцовую черешину. А быстро производить зарядание, палить в деревянную мишень и колоть соломенное чучело – отчего же нет?

Скоро он сделался отличник и в сем дурацком предмете.

Четвертая дисциплина, самая мудреная, преподавалась рекрутам в самом конце, когда все предыдущие уже освоены. Имя ей было «ротный маневр», которым более всего и славилась лучшая в свете армия.

В обороне рота, поделенная на шесть plutонгов, училась стрелять шеренгами. Первая лежала и била с локтя, вторая – с колена, третья – из полного роста. Остальные три принимали пустые ружья, заряжали их и снова передавали вперед. Таким манером ротная машина могла плеваться огненной смертью без перерыва, истребляя всё, находящееся перед ее фронтом. Обучение заключалось в том, чтобы каждый солдат действовал ритмично и механически, повинувшись свисткам начальников.

В атаке рота оцетинивалась аршинными штыками, строилась уступом и сначала била одним лишь левым флангом, постепенно увеличивая ширину удара и разваливая вражеский строй. Потом наваливалась вторая рота, третья, а там подоспевал следующий батальон. Никто не мог устоять перед сей знаменитой «косой атакой».

Вот и весь курс армейских наук, вдобавок к которым было довольно усвоить нехитрую трехчленную формулу: твердо знай предписания устава; ни в чем их не нарушай; не раздумывая исполняй, что прикажут начальники, – и будешь образцовый прусский солдат.

Так Луций и поступал, благодаря чему ни разу не отведал палки, а весной, перед самой отправкой в полк, получил начальство над капралией и – в знак перемещения из овец в овчарки – первую начальническую палку, так называемую «сапожную», ибо она засовывалась сбоку в сапог. Отказаться было нельзя, к тому же капральский чин давал больше свободы в передвижениях, а значит больше шансов сбежать при первой же okazji, но Луций поклялся себе, что никогда не ударит безответное существо. Он много размахивал своей палкой и громко бранился на своих солдат, так что со стороны выглядел настоящим прусским капралом, но удары наносил только по воздуху, а ругательства избирал не оскорбительные для человеческого достоинства, то есть обращенные не против личности, а к вымышленным и потому не обидчивым существам – богу и дьяволу. «Черт рогатый вас всех заберите в преисподню!» – вопил капрал Катин, вызывая грозностью голоса одобрение взводного сержанта, но никогда не именовал своих солдат скотами, остолопами, дубинами или какими-нибудь шайскерлями. Конечно, личности, находившиеся у Луция в подчинении, не оскорбились бы и будучи обзываемы, да и неболезненный удар перенесли бы без уязвления, но наш герой твердо помнил максиму: унижающий кого-то прежде всего унижает самое себя, и от этого бесспорного принципа не отступался.

Что до прославленной непобедимости прусского оружия, секрет тут оказывался прост. Король Фридрих довел логику войны до полной чистоты. Коль убивать себе подобных – занятие бесчеловечное, так следует солдат расчеловечить, превратить в ходячие автоматусы, привычные повиноваться не чувствам и думам, а движению шестеренок. В бесполезной на внешний взгляд муштровке, во всем этом чеканном ноготопании и механических упражнениях имелся глубокий резон. Среди кровавой битвы, когда от страха застывает разум, у солдата остаются лишь твердо усвоенные приемы и внедренная палками привычка слушаться простых, ясных команд. «Заряжай!» «Пали!» «Примкнуть штык!» «Вперед бегом!» – и побегут, и будут колоть, и убьют, и умрут. Зачем машине разум и чувства? От них один вред.

В прусской армии ничто не существовало без причины. Неудобная, трудно содержимая экипировка приучала солдата к порядку и лишениям, занимала всё

его время – чтоб, Gott bewahre,[5 - Избави боже (нем.).] – не начал думать. Нелепый журавлиный шаг придавал строю быстроту, точность и слаженность. Даже длинная коса была не просто так. Насаженная на железный прут, она прикрывала затылок и шею от сабельного удара, ежели вражеская конница прорвется внутрь пехотного каре.

И чем больше Луций открывал логики в устройстве королевской армии, тем она ему делалась омерзительней, потому что вся сия изобретательность мысли была направлена только на одно: на идеальное человекоубийство.

Отправки в полк он ждал, как избавленья. Пусть только выведут за ворота, подальше от сторожевых собак. На первом же ночлеге капралия лишится своего начальника.

Как бы не так. Собак при маршевой роте не было, но по обочинам ехали конные конвоиры, словно по дороге, под барабанный бой, вышагивали не гордые королевские гренадеры, а каторжники. На привалах повсюду дежурили караулы.

Ладно, сказал себе Катин. Прибудем в полк – там будет легче.

И опять ошибся.

Пополнение предназначалось regimentу Бранденбург-Байрейт, названному в честь сестры его величества маркграфини Бранденбург-Байрейтской. Полк понес потери в прошлой кампании и ныне был расквартирован близ Бреслау.

Но и здесь, на регулярной дислокации, в казармах, солдаты никогда не оставались без присмотра. Ночью по всему периметру выставлялись посты. Прусская армия умела предохранять себя от дезертирства.

Луций не упал духом и теперь. Ничего, говорил он себе, покручивая отросшие за полгода светлые усы, скоро будет поход. Все толковали, что едва подсохнут дороги, армия двинется на юг. Всеевропейская война приготавливалась ко второй кампании.

Из подслушанного разговора между офицерами Катин узнал, что русские всё никак не вылезут из своей медвежьей берлоги и нападения с востока можно не

бояться. Пользуясь этим, король намерен окончательно добить Австрию. Передовые части уже подходят к Праге, вот-вот ее возьмут, а затем повернут на Вену. Войско поведет сам король, а значит, победа несомненна.

* * *

И вот солнечным майским утром поход, которого наш герой дожидался с таким нетерпением, наконец начался. Гренадерам выдали трехдневный рацион колбасы и сыра, хлебный запас везли в ротных повозках, там же для легкости хода пока были сложены ружья.

Марш осуществлялся в полном соответствии с системой великого Фридриха. Никто в мире не передвигался быстрее пруссаков.

Каждый день, еще до рассвета, вперед отправлялись квартиры и батальонные кухни – готовить лагерь для постоа. Затем выступала пехота. Она шла легко и быстро, под музыку, с одними ранцами: два часа ходу – час отдыха. За день полк одолевал по пятьдесят верст и нисколько не выбивался из сил. Притом офицеры вышагивали вместе с солдатами, а не красовались в седлах, как во всех прочих армиях. Верхов разрешалось быть только полковнику.

Всё это с военной точки зрения, наверное, было прекрасно, но Катину прусские походные обыкновения ужасно не понравились. Не представилось ни единой возможности сбжать. Отдаляться от строя на марше строго-настрога запрещалось. Нужно до ветру – жди привала. Привал же никогда не устраивали в лесу – только на открытом месте, в виду конных разъездов. Начальство отлично понимало, что перед грядущей бойней многие солдаты, вояки поневоле, мечтают удрать, и принимало должные меры предосторожности.

За две ночевки до осажденной Праги полк перешел в военный регистр. Солдатам раздали ружья – на случай, если налетит вражеская конница.

В первый эшелон блокады байрейтцы однако не попали, их всё гоняли с одного места на другое. Почему и зачем – бог весть. Капралу этого знать не полагалось.

Тем временем робкая майская листва сменилась уверенной июньской, а поблизости не раздалось еще ни одного выстрела. Это, конечно, было благом.

Много слышав о том, как обыкновенно ведут себя на войне солдаты, и памятуя об английских приватирах, Луций готовился увидеть ужасные сцены грабежей и насилия над мирными обывателями, но ничего такого не происходило. Мародерствовать и обижать местное население запрещалось под страхом жестокого наказания, за фураж и продовольствие непременно вносилась плата – и селения, через которые следовал полк, встречали пруссаков без боязни. Это было еще одно новшество, обеспечивавшее войскам короля Фридриха мирный тыл и хорошее снабжение. Катин горячо одобрил бы подобную политику, кабы она не дополнялась одним пренеприятным пунктом: за каждого отбившегося от части солдата поселяне получали денежную награду, и это предохраняло армию от дезертирства лучше любого конвоя. Пойманных беглецов не вешали (зачем зря губить пушечное мясо?), а нещадно пороли, затем подлечивали и возвращали в строй.

У Луция оставалась лишь одна надежда: сбежать в хаосе какого-нибудь сражения, когда вокруг дым и грохот.

И вот однажды на рассвете загудели горны, забили барабаны, ругаясь и размахивая палками, побежали сержанты. Полк спешно выстроился в длинную колонну. Объяснений опять никаких не было, но Катин подслушал разговор батальонного командира с ротным и узнал, что regiment перебрасывают к какому-то Колину, где король завтра даст генеральное сражение австрийскому фельдмаршалу Дауну.

Что ни будь, а ночью сбегу, с замиранием сердца решил Луций. В маневренной неразберихе, чай, будет не до пропавшего капрала. Попадусь так попадусь, но в человекоистреблении участвовать не стану.

Нет. Наш герой не сбежал и в последнюю ночь перед сражением. Это оказалось вовсе невозможно.

Вечером, едва Бранденбург-Байрейтский регимент прибыл к месту, определенному диспозицией, ротный командир призвал к себе всех начальников – субалтернов, унтер-офицеров и капралов – чтобы объявить приказ на завтра.

Полк поставлен на самое острие атаки против укрепившегося неприятеля, и гренадерские роты, как предписывается боевым уставом, пойдут самыми первыми. «Едва поднимется солнце, мы врежемся нашим прославленным косым ударом в правый фланг австрияков, потом присоединится следующий полк, следующий, следующий – и мы пропилим их, как острая пила трухлявое дерево, – говорил капитан, имевший склонность к велеречивости. – Байрейтцам выпадет главная честь и слава. Враг засел на лесистых холмах, его почти не видно, но флигель-роты зададут точное направление атаки, так что задача наша проста. Капралам держать строй. Сержантам следить за капралами. Господам субалтернам за сержантами. Я, как положено, буду рядом с ротным значком и горнистом. Сигналы вам известны: два коротких – полубег, три коротких – в штыки. Один длинный – восстановить шеренгу. Два длинных – отступить. Но такого сигнала не будет».

Что такое «флигель-роты», Катин не знал, но капралу задавать вопросы не полагалось по чину, да и какая разница? Когда поднимется солнце, меня здесь уже не будет, думал он.

Как бы не так!

Скоро он узнал, что такое флигель-роты. Перед закатом слева, справа и сзади бивака появились какие-то солдаты в круглых кожаных касках. Они держались сплошной цепью. «Кто это?» – спросил Луций у другого капрала, служившего не первый год. «Флигельманы, – ответил тот, пожав плечами. – Глядят, чтоб мы не разбежались. В бою всегда так. Кто отстанет от строя – лупят прикладами, гонят обратно».

На ночь кожаные каски развели костры, вся окрестность ярко осветилась. Темным оставалось только поле, за которым располагались неприятели, но бежать в ту сторону было бы верной гибелью. Человек в прусском мундире, наткнувшись на австрийский дозор, скорее всего, получит пулю.

Значит, уйду завтра, в суматохе боя, рассудил Катин и воспретил себе тревожиться – это было бы недостойно философа. Волнение полезно в момент испытаний, ибо ускоряет мысль и напрягает мышцы, но тратить сей чрезвычайный резерв организма на пустое дрожание незначительно. Наш герой положил голову на ранец и уснул, доверившись старинной мудрости, что утро вечера светлее.

* * *

Волнение пробудилось со звуком горна, сердце заколотилось в такт барабанной дроби. Долгожданный день настал! Избавление близко: если повезет – от армейской неволи; если не повезет – от несовершенств земной жизни. Так или иначе до захода солнца он будет свободен – не бранным телом, так вечной душой.

Под крики офицеров и сержантов рота разобралась на взводные шеренги, по четыре капралии в каждой. Расстояние между взводами – пять шагов. По интервалу расхаживал сержант Карповиц, истовый служака, родом силезец. Подойдя к Катину, он погрозил эспонтоном: «Гляди мне! Я не за солдатами, за тобой буду следить».

Откуда он догадался?! – переполошился было Луций, однако увидел, что сержант то же говорит и остальным капралам.

Как же сбежать? Строй сомкнут, сержант не спускает глаз, по краям караулят флигельманы. Неужто придется участвовать в атаке? Во время залпа можно пустить пулю в воздух, но как вести себя в рукопашной свалке? Что делать, если австриец замахнет саблей или штыком?

Вопрос был моральный, из числа трудноразрешимых. Допустимо ли человеческому существу лишать жизни другое человеческое существо, ежели оно пытается тебя умертвить?

Недопустимо, сказал себе Луций. Лучше погибнуть. Но мучило сомнение: достанет ли воли пожертвовать собой во имя великого принципа? Не возобладает ли над волей самосохранительная потребность, именуемая инстинктом?

Пока молодой человек терзался внутренней дискуссией, полк выдвинулся на передовую позицию. Впереди простирался широкий луг, за ним – пологий холм, поросший березовым лесом. Там, верно, ожидали приготовившиеся к обороне австрийцы, но за листвой их было не видно, и Катину вообразилась аллегория: вот неразумное человечество собирается атаковать самое Природу, свою зеленую мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Что вы о сем думаете, г-н профессор? (фр.)

2

Король прусский ступил на опасный путь (фр.).

3

Война против всех? (лат.)

4

Папенька, папенька, сюда! (нем.)

5

Избави боже (нем.).

Купить: <https://tellnovel.com/boris-akunin/dobroklyucheniya-i-rassuzhdeniya-luciya-katina>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)